

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

ЖЕЛАТЬ
НЕВОЗМОЖНОГО

ЭКСМО

Екатерина Николаевна Островская

Желать невозможного

Серия «Татьяна Устинова рекомендует»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=659395

Островская Е. Желать невозможного : Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-51413-7

Аннотация

Даже после трагической истории первой любви жизнь Елены Игнатьевой могла сложиться вполне счастливо, если бы не безумная ревность ее мужа. Чтобы сохранить остатки достоинства, Лене пришлось уйти от Бориса Флярковского – одного из богатейших людей России... Через несколько лет смерть постигла их обоих – его яхта была взорвана в открытом море, а она не перенесла операцию на сердце. Согласно завещанию Елены опекуном над ее маленьким сыном назначен Олег Иванов, тот самый человек, которого она так любила в юности. Согласно завещанию Флярковского все его имущество должно перейти к единственному сыну...

Содержание

1	4
2	7
3	11
4	16
5	25
6	28
7	33
8	49
9	55
10	62
11	66
12	71
13	82
14	86
15	99
16	108
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Екатерина Островская

Желать невозможного

1

Плохо, когда отпуск закончился, а лето еще продолжается. Надо спешить на работу, а голова переполнена воспоминаниями о теплом песке, согревающем живот и душу, о ласковых волнах, набегающих на берег, перекатывающих осторожно мелкую гальку, о вечернем ветре, приносящем с побережья ароматы шашлыков и крики счастливых людей. Самое противное, что, вернувшись домой, ощущаешь себя иным человеком, а родной город остался прежним – разве что стал еще более душевным.

Олег вернулся домой поздно вечером. Двое суток трясся в переполненном поезде, сидя в купе, в котором не работал кондиционер и две пожилые попутчицы, везущие домой внуков, вели нескончаемый разговор о своих детях и болячках. У Олега хватило ума не проговориться, что он врач, а то дорога превратилась бы в настоящую пытку. Попутчицы, правда, были не такими уж и старыми, им едва ли исполнилось по пятьдесят. Обе, несмотря на духоту, облачены в джинсы и обтягивающие маечки. Их внуки носились по коридору в компании других быстроногих детей. Попутчицы пили до-

машнее красное вино, которым с избытком запаслись на обратную дорогу. Предлагали присоединиться к вакханалии и Олегу, но тот отказался, сославшись на слабое здоровье.

Одна из дам, в маечке с надписью «*Я ненавижу ДОМ-2*», внимательно осмотрела шорты Олега, потом его мускулистые ноги и спросила:

– А сколько вам лет, молодой человек?

– Тридцать пять, – признался Олег.

– Да-а, – протянула попутчица, – всего-то. А вот я, когда мне было тридцать пять...

Она задумалась над тем, что бы ей такого соврать.

Но Олег опередил ее.

– Я не сомневаюсь, – сказал он.

И вышел в коридор, где были приспущены стекла окон и ветер трепал блеклые занавески.

– Ты видела? – прозвучало в оставленном им купе. – Мы ему не компания. И вообще, в отпуск один ездил. Злой: видеть, ничего ему там не обломилось.

– Да кому такой нужен!

Противно слушать, но это была правда.

С вокзала Олег добрался домой на такси, истратив почти все оставшиеся после отпуска деньги. Дома, оставив чемодан в прихожей, залез в душ, а потом в постель и, перед тем как заснуть, удивился тишине: не слышно что-то привычных воплей из ближайшего кафе, в котором женские голоса со-

ревновались в исполнении караоке.

Хо-ро-шо! Все будет хорошо!!

Все будет хорошо,

Я это зна-аю...

Женщины всегда все знают наперед, непонятно только, почему они всегда ошибаются.

Хотя некоторым из них ошибаться, судя по всему, нравится. Только такие Олегу Иванову уже давно не попадались. О чем он иногда жалел.

В отделении ничего не изменилось, все так же пахло лекарствами, и запах этот показался Олегу родным и знакомым настолько, что у него защемило сердце. Он чувствовал, что вернулся в привычный мир, из которого не скоро теперь вырвется.

За стойкой дежурной медсестры сидела волоокая красавица Кристина и болтала шепотом по служебному телефону. Она была высокая, и вообще природа одарила ее с избытком.

– Ой, здравствуйте, Олег Богумилович, – обрадовалась Кристина, поднимаясь со своего стульчика.

Верхняя пуговка коротенького халатика как бы случайно сама собой расстегнулась. А может, и не случайно: одаренным природой людям очень сложно прятать свое богатство за пазухой.

– Ой, ну как вы отдохнули? – поинтересовалась медсестра.

Обращение к врачам-мужчинам, особенно к молодым, она всегда начинала с этого «ой!», причем произносила короткое междометие протяжно, с придыханием и вроде как удивленно. Для больных в ее арсенале было короткое и повелительное «ну!».

– Хорошо, – ответил Олег.

И положил на стойку колечко для ключей с брелоком в виде маленькой розовой ракушки.

– Это тебе, Кристина.

– Ой-й, – задыхнулась от счастья медсестра, и уже вторая пуговка спешила расстегнуться, а может, и вовсе оторваться. – Спасибо. Какая прелесть!

– По служебному не болтай много, – посоветовал Олег.

В ординаторской за столом сидел дежурный врач Колыванов и пил чай. На блюдечке перед ним лежали кружки засохшего лимона и пара холодных хот-догов.

– Присоединяйся, – предложил Колыванов.

– Дома позавтракал, – ответил Олег.

– Ну, как знаешь, – вздохнул Колыванов.

И с отвращением протянул руку к хот-догу.

Больше дежурный врач ничего не сказал, ничего не спросил, как будто коллега не вернулся из отпуска и ему нечего рассказать о своих похождениях в теплых краях. Олег и ему дал колечко с брелоком-ракушкой. Колыванов кивнул, принимая подарок, более увлеченный разглядыванием холодного хот-дога, раздумывая, с какой стороны его лучше откусить.

– Что у нас нового? – поинтересовался Олег.

Колыванов задумался, припоминая, но, по-видимому, ничего вспомнить не смог, а потому молча пожал плечами. Вскоре стали заходить и другие прибывающие на работу врачи, и каждому Олег вручал по брелоку.

Не прошло и часа, как в ординаторскую заглянула заведующая отделением Куликова.

Увидев Олега, она кивнула ему:

– Зайдите ко мне, Иванов. Прямо сейчас.

Олег пошел вслед за Валентиной Дмитриевной, полез в карман халата за сувениром, но брелоки уже закончились. Он вошел в кабинет начальницы уже без особой уверенности и закрыл за собой дверь.

– Значит, так, – произнесла Валентина Дмитриевна, надевая халат, – сейчас пойдешь к главврачу и распишешься в приказе на замещение.

Это было неожиданно: обычно, когда заведующая отделением уходила в отпуск, ее замещал Колыванов. Неужели врач с двадцатилетним опытом теперь не заслуживает доверия? Но тут Олег вспомнил, что Куликова уже была в отпуске, и удивился:

– А кого замещать надо?

– Заведующего кардиологическим отделением.

– Грецкого, что ли? Чего я забыл в кардиологии?

Куликова вскинула брови:

– Иванов, я вас не понимаю. Вам оказывают доверие. Скажу больше: со мной уже советовались на предмет того, чтобы поставить вас в резерв на выдвижение. Вполне вероятно, что Грецкий уйдет на преподавательскую работу. Должность станет вакантной, а вы хороший врач, у вас прекрасные показатели – руководство просто хочет проверить ваши способности к руководящей работе.

– Я подумаю.

– Это никогда не помешает, – согласилась Куликова. – Только сейчас от вас этого и не требуется. Распишитесь на приказе и вперед в кардиологию!

Валентина Дмитриевна посмотрела на подчиненного, и Олегу показалось, что смотрит она на него тем же взглядом, какой был у попутчицы в поезде.

– Послушайте меня, Олег Богумилович, вам тридцать пять лет. Вы – прекрасный врач, но все, включая медсестер, называют вас промеж себя просто Аликом, а чаще и того хуже – Оби.

– Я знаю, – согласился Олег. – Оби – это аббревиатура от начальных букв имени, отчества и фамилии. Что тут обижаться – вас, например, и вовсе КВД называют.

Это он, конечно, зря сказал: Куликова – хорошая баба. Хотя и была замужем трижды. Нынешний муж моложе ее на семь лет, он даже младше Олега, получается. Счастливый молодой муж – тоже врач, у него частный венерологический кабинет.

Аркаша Грецкий собирался в отпуск.

– Мы с женой давно хотели в Италию. В Турции были три раза, в Испании – два. На Канарах в прошлом году побывали. Теперь вот выбрали Римини. А говорят, что неподалеку от Римини аэродром НАТО и вражеские самолеты летают прямо над пляжем. Что ты думаешь по этому поводу?

Грецкий явно издевался, зная, что Иванов за границей не отдыхает.

– Думаю, что вряд ли они будут бомбить свои же пляжи.

– Ну да, – согласился Аркадий, – но гудят все равно громко.

То, что замещать его прислали именно Олега, для Грецкого стало неожиданностью. Может быть, даже неприятной. Они учились на одном факультете, на одной кафедре, только на разных курсах: Грецкий поступил на год раньше. Но в компаниях за столом встречаться приходилось. Тем более что Грецкий в процессе учебы женился на Агате Шкловской, с которой у Олега был непродолжительный роман. И хоть Аркаша, как выяснилось впоследствии, оказался мужем неревнивым, Иванова он недолюбливал. Может, Агата как-нибудь невзначай проговорилась и сравнила, а может, по другой причине.

– К тому же в Италии обувь очень хорошая, – вспомнил

Грецкий. – Я себе ботиночки прикуплю, может, даже две пары. Агате присмотрим чего-нибудь.

– Как она? – спросил Олег.

– Нормально, – равнодушно ответил Аркаша, – босиком не ходит.

У Грецких было трое детей, и все – мальчики.

Вернувшись домой, Олег занялся первоочередными делами: разобрал чемодан, все, что влезло, засунул в стиральную машину и сел курить на кухне. Смотрел во двор, который умывался розовыми лучами вечернего солнца, и вспоминал море. Негромко гудела машина, и вдруг Олег понял, что произошло сегодня. Ему не намекнули, а впервые в открытую сказали: жизнь вскоре изменится. Вполне вероятно, его могут назначить заведующим отделением, а это – не только значительная прибавка в зарплате, но и совсем другая жизнь, то есть жизнь останется прежней – она будет его собственной, как и была, по крайней мере внешне, но внутреннее содержание станет иным. И это обстоятельство, этот еще не свершившийся факт, сама возможность перемен взволновали Иванова настолько, что он открыл привезенную с юга бутылку «Лыхны» и не спеша выпил ее в одиночестве и в радостном предвкушении чего-то огромного, куда более светлого, чем простое повышение по службе.

Пятница должна была стать последним рабочим днем для

Грецкого. Ранним утром в субботу он с Агатой уже улетал в Римини. Но пока только вторник, и у Олега оставалось четыре дня, чтобы принять дела, познакомиться с персоналом, осмотреть больных и вникнуть в истории болезни.

Во вторник утром Иванов пришел в отделение кардиологии. Полчаса, правда, пришлось ждать Грецкого, который, появившись в дверях, стремительно пролетел по коридору, кивнул Олегу и, уже открывая ключом дверь своего кабинета, воскликнул:

– Сейчас во дворе видел сестру из твоего отделения: это что-то фантастическое.

Олег сделал вид, будто не понял, но Аркаша не поверил ему.

– Ну, Кристина! Чего ты притворяешься. Или у тебя что-то с ней было?

– Да ладно, – поморщился Иванов.

– По глазам вижу, что было. Может, и сейчас есть. Слушай, Алик, когда освободишь девчонку, скажи мне, а то ведь у нас орлов много – вмиг перехватят.

– Она и сейчас свободна. Особенно на работе. Даже слишком.

– Да-а? – усомнился Грецкий. – А я в отпуск, как назло. Будем надеяться, что за месяц ничего не изменится.

Вдвоем выпили кофе, принесенный сестрой-хозяйкой, поболтали немного, а потом пошли на обход.

Олег переходил из палаты в палату, слушая жалобы боль-

ных и то, что ему говорили лечащие врачи. Так продолжалось достаточно долго, обход затягивался, потому что новому начальству и новому врачу все пытались рассказать то, что до него и так уже всем надоело. Наконец они вошли в палату, где лежали две женщины.

– К операциям их готовим, – объяснил Грецкий. – Одну из операций будет делать сам Владимир Адамович Шумский.

Это он сказал не замещающему его врачу, а для больной, чтобы та поняла, какие силы бросает медицина на ее излечение. Олег это понял и произнес, глядя на пациентку:

– Считайте, что вам повезло: Владимир Адамович – самый известный в городе кардиохирург.

Сказал это, и ему показалось, что он и прежде встречал эту женщину.

А та улыбнулась и ответила просто:

– Я знаю. Спасибо вам.

– Я-то тут при чем, – пожал плечами Олег. – Лечащих врачей благодарить будете и Шумского, когда все закончится.

Нельзя так было говорить, но как-то само сорвалось, видимо, расслабился в отпуске. Но женщина улыбнулась еще раз, словно пыталась поддержать именно его, неуклюжего и излишне говорливого. Иванов посмотрел в историю болезни: врожденная, причем серьезная, патология сердечной мышцы. Возраст пациентки – тридцать пять, как и ему самому. Но выглядит моложе, несмотря на серьезный диагноз и время, проведенное в больнице. Глаза скользнули по каракулям,

в которых с трудом прочитались имя и фамилия – Елена Игнатьева.

– Не переживайте, – кивнул он больной и направился к выходу.

Оказавшись в коридоре, Олег удивился:

– Не знал, что Владимир Адамович до сих пор практикует.

– Он уже два года к столу не подходит – это я его попросил. Случай сложный. Старик и на кафедру перестал приезжать: годы свое берут... Я, когда ему позвонил...

Только сейчас Иванов вспомнил, где он видел эту женщину. Не дослушав Грецкого, развернулся и быстро вошел в палату.

– Лена, прости, дорогая, не узнал. Просто не ожидал тебя встретить. Когда обход, больше слушаешь, чем смотришь. А если и смотришь, то в истории болезни, на разные там рентгеновские снимки.

– Да ничего, – опять улыбнулась Лена, – я и сама не ожидала. Лежу уже целую неделю, и вдруг ты...

Они сидели за одной партой. Лена появилась в их школе в середине учебного года. Он даже точно не помнил, как именно. Пришел в школу после болезни, неделю отсутствовал, и вот нате – сидит за его партой новенькая. Выбрала свободное место в лучшем ряду – ближайшем к окну. Хорошо хоть, догадалась сесть у прохода, оставив право созерцать школьный двор ему – Алику Иванову. Он опустил рядом, и новенькая шепнула:

– Меня Леной зовут.

А он ничего не ответил. И ничего уже невозможно было изменить. К концу девятого класса он точно знал, что любит эту девочку. Но они оказались совершенно разными: она, тихая и аккуратная, почти отличница, а он такой же, как и большинство мальчишек, меньше всего тогда он думал о будущем. Он даже не представлял, что станет врачом. Хотел с лучшим другом Серегой Васечкиным пойти в военное училище. Они с детства мечтали стать летчиками-истребителями и даже нашли достойное для себя училище в городе Ейске. Но Ейск далеко – за две тысячи километров, да и мечта к окончанию школы несколько потускнела. О небе и самолетах Алик думал гораздо меньше, чем о соседке по парте. Она казалась совершенно особенной, но отличалась от других девочек не только этим: Лена была освобождена от за-

нятий физкультурой по болезни. Но что это за болезнь, не рассказывала.

Как-то, провожая ее домой, Алик поинтересовался:

– Чем хоть болеешь?

– Врожденный порок сердца, – ответила она.

Что это такое, Иванов не понимал и потому спросил:

– В каком смысле?

Лена промолчала.

– Ну, и что врачи говорят?

– Говорят, что где-то делают операции, но не у нас. А у нас таких специалистов нет.

После этих слов ему стало очень жалко ее, и, чтобы утешить, он сказал твердо:

– Значит, так! Потерпи немного. Я специально выучусь на врача и сделаю тебе эту чертову операцию!

Ляпнул просто так, успокаивая ее и обманывая себя самого. Но вот ведь как сложилось! Сказанное слово материально, за ним следует нечто независимое от желаний человека. Все закрутилось непонятным образом после случайного обещания, ставшего неосознанным желанием, бросившим Иванова в пространство, о котором он не мечтал и не знал ничего. Пустое обещание, сделавшее его тем, кем он сейчас является.

А Лена поверила тогда.

Посмотрела на Алика пристально, потом отвела глаза и прошептала:

– Хорошо, теперь я буду надеяться только на тебя.
Они были такими разными.

Короткий миг детства. Стремительное мгновение первой любви. Две разнополярные частицы прилетели из глубин Вселенной, чтобы столкнуться и снова оказаться на разных полюсах бесконечности.

Она посещала факультативы по литературе. Однажды Алик пришел туда, сам не зная почему, наверное, оттого, что соскучился, хотя они целый день просидели рядом за партой, только на физкультуре он один прыгал через козла, потому что на физкультуру она не ходила совсем. Дома было нечего делать, и он потащился на этот факультатив. Он даже взял с собой чистую тетрадку, куда записывал что-то о поэтах Серебряного века. Лена опять сидела рядом, и от этого соседства было спокойно и радостно. За окном стояла зима, стекла были загрунтованы ультрамарином, но сквозь глубокую синеву проблескивали бледные квадратики далеких окон.

Лена что-то усердно записывала, он смотрел, что пишет она, и кое-что заносил в свою тетрадку. Когда факультатив закончился и все стали собираться, Алик, торопясь закончить со всем этим, криво записал: «А вы ноктюрн сыграть смогли бы на флейте водосточных труб?» Но к кому это относилось, он прослушал. Лена ждала его, сидела рядом и улыбалась его стремлению постичь литературу.

Они вышли в коридор, потом на школьную лестницу. Стали спускаться вниз, и уже на первом этаже он вдруг обнял ее

и прижал к себе. Рядом была стеклянная дверь в столовую, за которой блестели пластиковые столешницы, отражая свет уличных фонарей.

– Я не хочу тебя терять, – прошептал он, ища ее губы.

– Я люблю тебя, – коснулись его сердца тихие слова.

Они целовались недолго, чуть меньше вечности. Но все постороннее исчезло, умчалось в небытие, унесенное резвым коридорным сквозняком, пропахшим школьными обедами и ароматами приближающейся неизвестности.

Тот вечер сохранился в нем навсегда, но только хранил воспоминание Иванов так глубоко, что и сам не мог отыскать в минуты уныния и разочарований. Скорее всего, он и спрятал его так надежно для того лишь, чтобы забыть свою глупость и подлость. Всю зиму, а потом уж весну они верили в общее будущее, хранили эту тайну, не говорили о ней, а только читали в глазах друг друга. В конце апреля дала о себе знать Ленина болезнь. Иванов остался за партой один, Лена лежала в больнице. Алик собирался навестить ее, но Первого мая его пригласил в гости Серега Васечкин. Пригласил, конечно, не только его одного, а почти треть класса. Родители Васечкина и его старшая сестра уехали на все праздники за город, и потому можно было расслабиться, не опасаясь последствий.

Сначала, когда за окнами было светло, все сидели за столом, пили кислое сухое вино, закусывая наскоро приготовленными девочками пресными салатами. Одноклассниц на

празднике свободы от родительских глаз было три. И все они выглядели совершенно иначе, чем в школе. Макияж и шпильки все-таки меняют женщин до неузнаваемости. Рядом с Аликом, тесно прижимаясь к нему бедром, сидела Милена Пыжова, считающаяся первой красавицей класса. Она говорила громче всех, не забывая подливать в бокал Иванову вина, при этом под столом прижималась к нему ногой. Когда совсем стемнело, свет решено было не зажигать и устроить танцы.

Когда музыку включили на полную мощность, Милена наклонилась к Алику, обхватила его за шею и крикнула в его ухо:

– Ну что, пойдём потанцуем, что ли.

В тесной комнатке места не было совсем. Пришлось прижиматься друг к другу. Милена обняла Иванова двумя руками. В коротком промежутке, пока меняли кассету в магнитофоне, Милена спросила:

– Алик, а ты умеешь целоваться?

– Разумеется, – ответил Иванов, у которого уже все кружилось перед глазами.

– А то давай научу, – предложила Милена.

– Да я сам кого хочешь...

– Тогда пойдём, – усмехнулось искушение и потащило Алика в коридор.

В соседней комнате на собственной кушетке уже вовсю целовался с кем-то Васечкин. Пришлось прикрыть дверь в

комнату плотнее.

– Сорри, – извинилась Пыжова и потянула Алика за руку в сторону кухни.

Вдвоем они едва уместились на маленьком стульчике. Точнее, на стульчике сидел Иванов, а Милена у него на коленях. Рядом на кухонном столе стояли тарелки с остатками салатов и пустые бутылки. Но Пыжову это не смутило. Опустившись на колени к однокласснику, она обхватила его за шею и впилась в рот полными губами. Похоже, она не блефовала: опыт у нее действительно был. И не маленький.

– Не так, не так, – повторяла она, – нежнее надо. Языком попробуй. Сейчас покажу...

Музыка гремела во всю мощь, и все равно Алику показалось, что он услышал треньканье звонка. Но избавиться от Пыжовой не было никакой возможности. И все же он оторвался от Милены, когда понял, что кто-то уже вошел в квартиру. Не сразу, конечно, но отстранил Пыжову от себя. Отстранил, поднял глаза и увидел.

Лена стояла у входа на кухню и улыбалась. Улыбалась так светло и через такую боль, словно она жалела его, будто Алику гораздо хуже, чем ей самой.

Она улыбалась, а глаза были переполнены слезами.

– Прости! – прошептал Иванов.

И не услышал себя.

– Прости, – крикнул он вслед убегающей Лене.

Попытался подняться, но Пыжова придавила к маленько-

му сиденью.

– Чего ты, бегать за ней будешь, что ли? – рассмеялась Милена.

Он отпихнул ее и бросился вон из квартиры друга. Лифт увозил Лену вниз. Алик бежал следом, перепрыгивая через три ступеньки. А когда выскочил из парадного, во дворе уже никого не было. Он побежал к Лениному дому и долго звонил в квартиру, но никто не открыл.

Утром поехал в больницу и встретил выходящую из ворот Ленину бабушку.

– Не ходи туда, Алик, – сказала старушка, – очень тебя прошу, не ходи. Леночка вчера домой на праздники отпросилась. Ее отпускать не хотели. А она так просила, так просила!.. До дому даже не дошла, в соседнем дворе сознание потеряла. Знакомые увидели – «Скорую» вызвали и мне позвонили. Слава богу, «Скорая» быстро приехала. Сейчас Леночка в палате интенсивной терапии, ее нельзя беспокоить.

Лена в школе так и не появилась. Алик сдал экзамены и отнес документы в медицинский институт. К этому времени он уже знал, что Лена выписалась из больницы и уехала с бабушкой в санаторий. Уже учась на первом курсе, Алик решил сходить к Лене еще раз. Дверь открыла незнакомая женщина.

– Кого? – переспросила она. – Лену? Это, наверное, из тех, кто жили здесь прежде...

И это «прежде» прозвучало как «давным-давно».

– ...Мы-то здесь третью неделю всего: по обмену вселились. А прежние жильцы, говорят, в Москву перебрались: у них кто-то там болеет, а в Москве клиники лучше.

Алик брел по улицам, и внутри него было пусто. Зачем-то зашел в магазин и купил бутылку водки. Одному пить не хотелось, хотелось выговориться, и он поплелся к Сереге Васечкину. А у того родители с сестрой были на все той же даче. Но Васечкин сидел дома не один, а с Пыжовой, которая появилась у него за пять минут до Алика с литровой бутылкой джина. Втроем выпили все, больше всех напился Алик. Серега побегал в магазин за продолжением. А когда он вернулся, то на его кушетке происходило то, что не должно было происходить...

Алик лежал на животе. Он не хотел смотреть, как Милена одевается.

– Нажрались, конечно, как свиньи, – подытожила она все произошедшее только что.

И хихикнула. Потом опустилась на кушетку и поцеловала Иванова в спину.

– Ну, если захочешь, заходи или звони. А ты ничего, мне нравишься – прикольный такой.

Дверь за ней захлопнулась. Иванов поднялся, оделся кое-как и вышел в комнату к Васечкину.

– Налей мне водки!

Эту ночь Алик провел у Сереги. Васечкин если и пил еще, то очень мало. Зато Иванов разошелся. Потом стало совсем

плохо. Он едва успел добежать до туалета и склониться над унитазом. Его выворачивало наизнанку, выворачивало долго и мучительно. Алик мучился и хрипел, слезы текли по его щекам. Какое-то время удавалось терпеть, но все же силы покинули Алика, и он разрыдался уже в голос. Рыдал от жалости к Лене и ненависти к себе.

Алик шел через больничный двор, когда увидел спешащего навстречу Васечкина.

– Слава богу, успел, – выдохнул Серега, – я наудачу зашел, а мне сказали, что ты теперь на другом отделении. А рабочий день уже закончился.

– Конкретно зашел? – поинтересовался Иванов.

Васечкин кивнул.

– Никогда тебя не просил, но сейчас во как надо!

Он провел ребром возле своего горла.

– Позарез!

– Чего тебе надо? – рассмеялся Олег.

– Этот, как его... – смутился Сергей, – больничный. Если я из районной поликлиники притащу, начальство не поверит. В ведомственной мне никто не даст. А так вроде я в больнице лежал. Будто бы у меня сердце прихватило, а еще лучше – печень.

– Печень не гарантирую, но с сердцем помочь смогу. Меня как раз бросили замещать заведующего кардиологическим отделением, так что я тебе листок о нетрудоспособности выпишу и сам потом закрою, в канцелярии печать поставлю. Но только я его с пятницы могу выписать. На какой срок тебе нужно?

– Недели хватит. В пятницу в самый раз. А то у меня по

графику отпуск в сентябре, но в связи с очередным выговором отпустят не раньше декабря. А я который год обещаю к отцу на дачу приехать, чтобы за грибами с ним сходить, на рыбалку, да и вообще, в бане попариться.

– Странно, что такие проблемы у тебя на службе. Вроделовишь кого-то, ордена тебе вручают, а такую мелочь, как отпуск, приходится тайком самому выкраивать.

– Это для тебя отпуск – мелочь, а для меня единственная возможность пожить личной жизнью. – Сергей вздохнул и спросил: – Ты, как я слышал, уже успел отдохнуть?

Иванов кивнул.

– Ну и где же ты пузо грел? – поинтересовался Васечкин.

– В Абхазии.

– Чачу хоть привез?

– Две бутылки.

– Молодец! – обрадовался Сергей. – Постарайся сохранить до пятницы. А я тоже что-нибудь притащу. И закуску организую.

– А не много нам на двоих будет?

– А почему на двоих? – ухмыльнулся Васечкин. – Пригласим кого-нибудь. Вот я у тебя в отделении девку видел. Такая, с коровьими глазами. «Ой, мужчина, зачем же в уличной обуви!»

– Кристина ее зовут. Кстати, не ты первый сегодня, кто ею интересуется.

– Первый, второй! Какая разница. Ты пригласи ее с по-

дружкой. А там разберемся.

– Не собираюсь. Из другого отделения, может, и позвал бы кого. Хотя вряд ли. А из своего – тем более.

Они прошли ворота и начали прощаться. И только тогда Иванов сообщил:

– Серега, помнишь, в нашем классе Лена Игнатьева училась?

– Ну, – напрягся Васечкин.

– Я ее сегодня в кардиологии встретил. Лежит там, операцию ждет.

– Серьезная хоть операция предстоит?

– Очень. Надеюсь, все будет хорошо. Оперировать должен сам профессор Шумский.

Сергей подошел к стоящей у ворот ржавой «шестерке» и открыл ключом дверь. Перед тем как залезть в салон, он внимательно, словно оценивая, посмотрел на друга. Не попрощался, не махнул рукой, а просто сел за руль и уехал.

Владимир Адамович позвонил Грецкому и назначил начало операции на семь вечера. Это самое удачное для профессора время. Аркаша сказал об этом Иванову, и Олег пришел в палату сообщить весть Лене.

– Я в курсе, – улыбнулась она, – Аркадий Яковлевич уже доложил.

– Ну, тогда...

– погоди, Олег, – остановила его Елена. – У меня к тебе серьезный разговор.

Иванов растерялся и посмотрел на другую больную, которая преспокойно листала журнал.

– Давай вечером загляну, – предложил он, – я буду свободен, и мы сможем подольше поговорить.

Весь день он носился по двум отделениям, забыв даже пообедать, но вечером, проводив домой Грецкого, зашел в палату. Лена спала. Иванов посмотрел на нее, спящую, и направился к выходу.

– Алик, – позвала его Лена.

Он обернулся и увидел, как она пытается приподняться и сесть в кровати.

– Лежи! – приказал он.

Подошел и присел на ее постель.

– Как себя чувствуешь?

– Прекрасно, – улыбнулась Лена, – только слабость небольшая.

– Это оттого что лежишь.

– Я бы с удовольствием побегала, но вряд ли получится.

– Лена, если ты хочешь поговорить об операции, то я вряд ли сообщу что-то новое. Владимир Адамович – прекрасный кардиохирург...

Лена покачала головой.

– Я о другом.

Она замолчала и посмотрела за окно, все так же улыбаясь.

«Почему она все время улыбается? – пронеслось в сознании Олега. – Неужели смирилась? Но с чем? Ведь все будет хорошо».

А что будет? На самом деле Иванов этого не знал. Профессор Шумский прооперирует, Елена полежит какое-то время в больнице, здоровье ее пойдет на поправку, и она вернется домой. Вернется к мужу. Хотя почему к мужу? С чего он решил, будто Елена замужем? Если бы это было так, муж сидел бы сейчас здесь, у ее постели. А к ней не приходит никто.

– У меня никого нет на свете, – произнесла вдруг Лена.

Сказала так, слово знала, о чем подумал сейчас ее бывший одноклассник.

– Никого, кто мог бы позаботиться о моем сыне. Моя болезнь наследственная, вероятно, то же было у моей мамы, но она умерла при родах. Мне повезло больше. Моему сыну уже пять лет. Ему нельзя остаться одному. У меня была бабуш-

ка, которая меня вырастила, а у Олежки не будет никого, кто позаботится о нем.

– Отец у твоего сына есть?

– Отец его жив и здоров, прекрасно себя чувствует, вероятно, но у него нет сына. Я бы очень не хотела, чтобы мой сын хотя бы секунду находился рядом с ним.

– Не хочешь, значит, этого не будет. Почему ты говоришь так, как будто тебя уже нет? В пятницу операция, а потом...

– Считай, что я просто боюсь на будущее. Как говорится, а вдруг...

– Вдруг не бывает ничего. Даже прыщик просто так не вскакивает, – попытался отшутиться Иванов.

И понял, что неудачно.

Но Лена опять улыбнулась:

– У меня, если ты помнишь, не прыщик. Ладно, давай не будем. Просто пообещай мне, что исполнишь мою просьбу.

– Смотря какую.

– Не торгуйся, Алик. Я плохого ничего требовать от тебя не собираюсь. Приведи мне в палату нотариуса.

Олег поднялся и изобразил недоумение:

– Зачем? Если ты хочешь составить завешание, то по закону достаточно заверить документ печатью больницы и подписью заведующего отделением. Завтра пригласи Аркадия Яковлевича: он в подобных делах сведущий человек.

– Я все знаю. Приведи нотариуса.

Иванов вздохнул, а потом кивнул:

– Завтра же нотариус будет здесь.

– Спасибо, – шепнула Лена и отвернулась к окну.

Олег снова опустился на постель Лены и погладил ее руку.

– Не надо думать о плохом.

– А я и не думаю. Все, о чем я думаю, тебе известно.

– Обещаю, что с тобой все будет хорошо.

Олег склонился к щеке Лены, хотел коснуться ее губами и совсем рядом со своими глазами увидел ее улыбку.

– Пообещай. Если что-то со мной случится, не оставляй Олежку одного.

– Договорились, – легко согласился Иванов и спросил: – У сына твоя фамилия?

Лена кивнула.

– А отчество? Прости, но это не простое любопытство.

– Борисович, – ответила Лена.

– Значит, Олег Борисович Игнатьев. Получается, он, как я, – Оби. Как не помочь родному человечку!

– Иди, – шепнула Елена, – и не забывай, что обещал.

Вечером Иванов позвонил знакомому нотариусу и договорился обо всем. Нотариус не удивился подобной просьбе, сказал только, что многие не доверяют больничным печатям и не хотят, чтобы родственники потом ссорились и судились друг с другом, оспаривая завещание. Олег не стал возражать, хотя знал, что родственников у Лены нет, как и миллионов, за обладание которыми кто-то станет бороться с кем-то.

Четверг прошел в беготне. Несколько раз Олег заскакивал в палату к Елене, но та спала или просто отдыхала с закрытыми глазами. Тревожить ее Олег не хотел.

Владимир Адамович Шумский прибыл за час до начала операции. Приехал со своими ассистентами и со своей операционной сестрой.

Грецкий вошел в палату и обратился к Олегу, сидевшему у кровати Елены:

– Заканчивай, Алик. Счет идет на минуты.

Аркаша явно спешил домой, чтобы успеть подготовиться к утреннему отлету в Италию.

– Быстренько целуемся, скоренько желаем друг другу здоровья и счастья и расстаемся до утра, – торопил он, словно руководитель туристической группы, подгоняющий провожающих.

– Погоди минутку, – попросил его Олег.

– А ко мне сегодня Сережа Васечкин заходил, – вспомнила Елена.

– Странно, что он не позвонил и не предупредил. Хотя мы и без того встречаемся вечером у меня.

– Он спешил куда-то.

– И о чем вы говорили?

– О тебе. Сережа сказал, что на тебя можно положиться.

– Алик, – взмолился Грецкий, – ну сколько можно? В другой раз наговоритесь.

Иванов наклонился и поцеловал улыбающиеся губы.

– Пока, – шепнул он.

– Помни, что обещал мне, – ответила она.

Если бы не встреча с Васечкиным, Олег остался бы в больнице до окончания операции, сколько бы она ни продолжалась. Но теперь он заспешил домой. Иванов не сомневался в том, что все закончится хорошо, а то, что тревога точила душу, – так это обычное волнение за близкого человека. А в том, что Лена близкий человек, Иванов уже не сомневался. И неважно, что связало их теперь: память о прошлом – то, что они сидели за одним школьным столом или целовались в продуваемом сквозняком коридоре, то, что он пообещал ей когда-то стать врачом и спасти ее. Он любил ее прежде – маленькую и тихую, любит ли он ее сейчас или только память о ней, доверчиво прижавшейся к нему когда-то очень давно, быть может, навсегда?

Войдя в квартиру, он начал накрывать на стол, но тут же бросил это занятие и опустился на диван, пытаясь вспомнить нечто очень важное. Теперь он ясно осознавал: что-то прошло мимо него сегодня, что-то значительное, но что, не мог понять. Закончился обычный рабочий день с осмотром больных, разговорами, болтовней, беготней – в этом не могло быть ничего, на чем стоило бы сосредоточиться и вспомнить. Определенно, проскользнувшее мимо памяти событие связано с Леной. Олег стал восстанавливать последний разговор, но разговор остался незавершенным. А до того, как

Грецкий ворвался в палату, Лена говорила о сыне. Сказала, кажется, что у него все в порядке с сердцем, но волнует ее другое. А что? Этого Иванов вспомнить не мог.

Раздался звонок в дверь. Сразу другой. А когда Олег подошел к двери – третий, совсем короткий и робкий. Все звонки были разными, как будто поочередно на кнопку нажимали три разных человека. Иванов открыл и увидел стоящего на пороге Васечкина.

– А вот и мы! – радостно возвестил Васечкин.

И тут же из-за двери выскочили две девушки с напряженными улыбками на лицах. В руках они держали полиэтиленовые пакеты с продуктами и шампанским. Одна из девушек – Кристина, а вторую Олег видел впервые.

– Ты рад? – спросил Сергей, пропуская девушек внутрь.

– Безмерно, – ответил Иванов.

И пока девушки не видели его лица, сделал круглые глаза. После чего шагнул к другу и шепнул:

– Ты что, сдурел?

– Я знал, как тебе угодить, – громко похвалил себя Васечкин, доставая из кармана бутылку коньяка.

Пока Олег разбирал на кухне продукты, девушки старательно делали вид, будто пытаются отыскать в квартире хостяка домашние тапочки. Разумеется, Васечкин разрешил им не снимать босоножки и ходить по дому на шпильках. Радостные, они процокали на кухню и занялись приготовлением закусок.

– Ну, доставай чачу, что ли? – потребовал или предложил Васечкин.

Они выпили по рюмке, и Олег спросил негромко:

– Откуда ты их вытащил?

– Заскочил в твое бывшее отделение, после недолгого до-
смotra помещений обнаружил Кристину и передал, что ты
приглашаешь нас в гости. Сказал еще, что ты просил, чтобы
она подружку прихватила.

– Я попросил? – удивился Иванов.

– А ты что – против? Кристина постаралась для него: сест-
ру двоюродную привела. Сестру, кстати, Настей зовут. Ты не
рад?

Олег не стал спорить. А Васечкин опять наполнил рюмки.

– Лена сказала, что ты заходил к ней, – вспомнил Олег.

– Заходил, – признался Сергей, – очень хотел ее увидеть.

– Разговаривали о чем-нибудь?

– Практически ни о чем. Я просто взглянуть на нее хотел.
Да, она сказала, что у нее есть сын и он сейчас на даче. А я
ответил, что у меня никого: ни жены, ни детей. Давай выпьем
за ее здоровье, чтобы операция удачно прошла.

Они осушили еще по рюмке, после чего Васечкин при-
знался:

– Мне Ленка очень нравилась в школе. Но поскольку меж-
ду вами что-то было, я скрывал.

– А я, как вспомню тот вечер в квартире твоих родителей,
такой сволочью себя ощущаю!

– Ага, – согласился Сергей, глядя на стол, выбирая, чем можно закусить.

Девушки выставляли на стол тарелки с бутербродами.

– А можно чачу попробовать? – попросила Кристина. – Никогда в жизни не пила.

– Потом, – ответил Васечкин, – когда вы на кухне все закончите, то все вместе и попробуем.

Кристина не обиделась и поспешила на кухню.

– Если бы не Пыжова, – продолжил Олег, – моя жизнь иначе сложилась бы. Если бы не эта сисястая дура, я женился бы на Лене... Пыжова специально это подстроила. Надеюсь, Бог ее накажет.

– Жениться на Лене и сейчас не поздно. А что касается сисястой дуры...

Сергей прищурился, раздумывая, говорить или нет. И снова посмотрел на стол.

– Просто кто-то свою глупость хочет оправдать. Кому-то не следовало напиваться и доказывать, какой он опытный в амурных делах.

– Короче, сволочь я, – вздохнул Иванов.

– Ты это уже говорил, – напомнил Сергей. – А что касается Пыжовой... Короче, Бог ее наказал. И оказался очень жестоким.

– В каком смысле? – не понял Олег.

– В прямом. Нет больше Пыжовой.

– То есть... – растерялся Иванов. – В каком смысле?

– Что ты все о смысле спрашиваешь? Нет в жизни смысла: тебе, как врачу, это должно быть известно. Короче, после школы Пыжова челночить начала, моталась по Польшам и по Турциям, привозила шмотки и сдавала своей матери в магазин. Ее мать тогда была директором небольшого магазинчика. Тогда же они приватизировали эту торговую точку. Заправляла там Милена. Дела шли ни шатко ни валко. Но Милена не бедствовала. Наехали на них ребята с предложением своей «крыши». Пыжова и согласилась, считая, видимо, что все так делают. Но она же не такая, как все, она девушка эффектная была, если ты помнишь, конечно. На нее положил глаз главарь той группировки. Ну, и очень скоро стала наша с тобой школьная подруга с ним сожительствовать. А с Алиходжаевым дела тяжело было иметь – даже такие. Позвонила она мне как-то, встретились мы, и она попросила помочь. А я попросил ее сливать мне всю известную ей информацию, чтобы я смог побыстрее помочь. И двух месяцев не прошло, как взяли мы всю банду. Ну, тут, как водится, долгое следствие, потом суд. Все свое получили. Алиходжаеву дали пять лет: мало, конечно, но прямых улик, изобличающих его в особо тяжких преступлениях, не было. То есть они были и с избытком, но из материалов следствия все непонятным образом исчезли. Милена мне сказала, что подозревает следователя в сговоре с Алиходжаевым. Но как в такое можно поверить, тем более что этого следователя я знаю хорошо? Подлец, конечно, но на должностное преступление не

пошел бы из трусости... Отсидел сожитель Пыжовой ровно половину срока и опять в городе появился. Позвонил Милена и сказал, что ему точно известно, кто сдал его ребят и его. А потому пусть готовится. Милена сняла квартирку и почти полгода там скрывалась. И вот звонит как-то в панике, говорит, что случайно в окно выглянула и увидела, как из машины вышел Алиходжаев – и прямиком в ее подъезд. А я как раз у отца сидел, у него день рождения был, и я рюмку-другую уже махнул. Позвонил тут же в РУБОП, сообщил адрес, а сам за руль и туда. Влетел во двор, из машины выбегаю, подсакиваю к парадному, тут открывается дверь, и выходит Алиходжаев. Лоб в лоб мы с ним столкнулись. Он тут же из-за пояса пистолет выхватывает, а я ему промеж глаз. Через минуту машина с бойцами подскочила, они-то его и спасли – оттянули меня от него. Сегодня суд, кстати, был. Думаю, влепили по полной.

– А что Пыжова? – тихо спросил Олег.

– Поднялись мы в квартиру. Дверь вскрыта, а в комнате на крюке от люстры Милена висит. Рот пластырем заклеен, чтобы соседи криков не слышали. Короче, перед тем, как ее повесить, он ее всю ножом изрезал. Так что крови в комнате было очень много.

– Ужас какой!

– Жизнь такая. А я тогда слово себе дал отомстить этому гаду. Сколько бы ни дали ему, куда бы на какую зону ни отправили, договарюсь с кем надо, чтобы и на зоне ему задни-

цу жгло, чтобы он каждый день своей жизни проклинал. А когда выйдет, вот тут-то я ему... Девчонки, вы скоро? А то мы очень голодные.

– Идем уже, – отозвалась Кристина.

– Милена, кстати, очень переживала за тот случай у меня дома. Сказала, что ты ей нравился и она очень Лене завидовала. А зависть – это такая муть! На любое преступление толкнуть может. А она только поцеловалась с тобой. И ты, кстати, не возражал. Так что прости, друг.

В комнату вернулись девушки.

– Чачи хочу, – напомнила Кристина.

– Будет вам чача, – мотнул головой Васечкин, – только мы с другом Аликом сначала вдвоем выпьем за наших школьных подруг – одной во здравие, второй за упокой.

Девушки притихли. И только когда мужчины принялись закусывать, двоюродная сестра Кристины спросила:

– Уважаемые мужчины, если мы не ко двору, то можем уйти без всяких обид.

– Вы здесь как нельзя кстати, – ответил Васечкин, – вы пришли сюда повеселиться, значит, веселье сейчас будет. Расслабимся немного, но вы, девушки, можете не бояться за последствия, и за свою жизнь в том числе, так как рядом с вами известный всему городу опер и не менее известный врач.

– Я и не боюсь, – улыбнулась Кристина, – я вообще давно мечтала с опером познакомиться, всегда хотелось, чтобы рядом был надежный мужчина.

– Правда, что ли? – не поверил Сергей.

Кристина поджала губы и дважды быстро кивнула.

– Блин, – удивился Васечкин, – вот никогда не знаешь, где найдешь свое счастье!

– Правда, что ли? – улыбнулась Кристина.

– Угу, – ответил известный всему городу опер и тоже кивнул.

Иванов посмотрел на них и поразился: быстро они спелись! Даже Кристина сейчас не такая, как на работе. За все время, пока она находится в его квартире, ни разу не произнесла свои любимые «ой!» и «ну-у».

– А чача? – спросила Настя, чтобы напомнить о себе.

В этот момент в кармане Васечкина зазвонил телефон. Сергей достал его, посмотрел на экранчик и только после этого поднес к уху.

– Слушаю.

Ему что-то долго объясняли по телефону.

После чего Васечкин сказал:

– Я понял, товарищ полковник.

Отключил телефон и объяснил присутствующим:

– Завтра утром к начальству вызывают. Опять наградят, вероятно. А скорее всего, снимут ранее наложенное взыскание. Что тоже немаловажно. Кстати, Кристиночка, ты свой отпуск за этот год не отгуляла еще?

В этот момент Олег понял, что и ему необходимо позвонить. Он вышел на кухню и набрал номер кардиологическо-

го отделения. Представился и спросил, закончилась ли операция. Ему ответили, что пока нет, но, судя по всему, через час-полтора наверняка можно будет узнать результат. Он вернулся к столу, за которым шла увлекательная беседа.

– Кристиночка, – интересовался Васечкин, – вот ты говоришь, что дважды поступала на медицинский и оба раза недобираала баллов. А ты подумай, нужно ли тебе это? Давай в нашу школу милиции: баллов будет даже больше, чем нужно. Я гарантирую.

– Я хочу врачом стать. А поступить не смогла потому, что на бюджетное отделение слишком мало мест и все поступают по знакомству или за взятки. На коммерческом отделении обучение слишком дорогое – мне не по карману.

– Взятки, говоришь! Тогда подавай документы в Академию государственной службы. Я там два года назад одного деятеля именно за них и прихватил. Дело открывать не стал: он пообещал мне больше так не делать – значит, тебя бесплатно примет, если я попрошу. Ну, как?

Вопрос относился уже к хозяину дома.

– Часа через полтора будет результат.

Васечкин понимающе кивнул. Но понял не он один. Кристина посмотрела пристально на Олега, и тот спросил:

– Ты что-то хочешь мне сообщить?

– Хочу, хотя мне это по секрету рассказала знакомая по училищу: она как раз в кардиологии работает. Не знаю, можно ли?

– Если это касается Елены, то необходимо, – произнес Васечкин.

– Дело в том, что моя знакомая была свидетельницей того, как заведующий отделением... как его...

– Грецкий, – подсказал Олег.

– Ну да. Так вот, она присутствовала случайно, когда он уговаривал вашу знакомую на операцию. Говорил, что если будет делать операцию профессор Шумский, то стопроцентный положительный результат гарантирован. Только, как он сказал, это будет стоить денег. И даже сумму назвал – десять тысяч евро.

– Ого! – удивился Васечкин. – Ну и крыса этот профессор! Только откуда у Лены такие...

– погоди, – остановил своего друга Иванов. – А дальше что?

– Ваша знакомая согласилась. А потом моя подружка слышала, как он уговаривал профессора по телефону, все повторял, что не бывает сложных операций, бывают плохие хирурги...

– Да-да. Именно так профессор Шумский нам когда-то на своих лекциях говорил.

– Так вот. Этот заведующий предложил профессору деньги, и тот согласился. Только Шумскому предложено было пять тысяч долларов.

– Я же сказал – крыса! – снова возмутился Васечкин.

– И Лена заплатила? – удивился Олег.

– Вероятно, раз операция сейчас проходит.

– Послушай, Кристина, а твоей знакомой можно верить?

– Думаю, да.

– Поймай, – догадался Иванов, – твоя подруга спит, что ли, с Аркашей?

– Ну да. Уже полтора года. Почти сразу, как пришла в кардиологию. Он ей сказал, что если она хочет там работать и рассчитывает на карьерный рост...

– Я что-то не понял, – встрял Васечкин. – Какой карьерный рост может быть у медсестры?

– Стать старшей медсестрой, потом дополнительные выплаты за переработку, короче, по деньгам можно почти вдвое больше иметь... – отмахнулся Олег. – Что еще знает твоя знакомая?

– Она сказала, что профессор Шумский не практикует уже года три и переживает, что его, такого уважаемого специалиста, никуда не приглашают. А не приглашают, потому что... потому что... как вам сказать...

– Потому что у него были отрицательные результаты, – догадался Олег, – Вот почему Аркаша так спешил уехать в отпуск. Вероятно, он сам предложил мою кандидатуру на замещение. Если все пройдет удачно, то он с деньгами, а если нет...

– Тьфу-тьфу! – сплюнул через плечо Васечкин.

– ...то отвечать буду я. Хотя служебных неприятностей никаких не будет. Скорее всего. С Лениным диагнозом. Ре-

бятя, вы тут веселитесь, а я в больницу поеду.

Иванов выскочил из-за стола, но за ним бросились Кристина и Васечкин.

– Олег Богумилович, миленький, – взмолилась девушка, – ну куда вы сейчас, чем вы сможете помочь?

– К тому же выпивший, – поддержал ее Васечкин. – Не будешь же потом объяснять, что у отца был день рождения. То есть... ну все равно потом замучают тебя объяснительными. Ты лучше позвони.

Олег взглянул на часы. Даже часа не прошло со времени его последнего звонка, но все равно он направился к кухонному столу, на котором стоял телефонный аппарат. Набрал номер. Трубку долго не снимали. Олег слушал гудки и ощущал гулкое биение своего сердца.

– Да, – ответила трубка.

Иванов выдохнул, предполагая самое худшее, раз так долго никто не подходил к телефону.

– Это Олег Богумилович. Как там дела?

– Операция закончилась только что. Все нормально. Больная еще не отошла от наркоза. Она теперь со стимулятором и под наблюдением дежурной сестры. А я только что провожал Владимира Адамовича до машины.

Иванов поблагодарил дежурного врача и положил трубку на рычаг.

– Ну что? – спросила Кристина.

– Да вроде все нормально.

– Ну, тогда вино и танцы! – обрадовался Васечкин.

– Ура! – поддержала его из комнаты Настя.

Тут же были открыты бутылки с шампанским, произнесены тосты, мужчины, как водится, выпили шампанское стоя, а дамы до дна.

Вскоре начались танцы, хотя танцевала только одна пара. Настя пригласила и Олега: он вышел было из-за стола, но тут же отказался:

– Не могу танцевать: у меня нога как деревянная. Отсидел, вероятно.

Чачу допили всю. Коньяка оставалось больше половины бутылки. Васечкин засунул бутылку во внутренний карман и начал прощаться:

– Ты извини, Алик, что мы рано уходим. Но мне завтра с утра в управление на ковер. Надо быть свеженьким, как огурчик.

– Хорошо, – согласился Иванов, – идите, а я с утра в отделение.

Олег у дверей провожал друга и вцепившуюся в Серегу Кристину. Голова кружилась, и хотелось спать.

– Настя, – крикнул Васечкин оставшейся в комнате девушке, – тебе, случайно, с утра никуда не надо?

– Нет, – отозвалась та, – до понедельника я совершенно свободна.

– Ну, тогда прибери здесь все! Порядок обеспечить.

Дверь распахнулась, и Кристина потащила Васечкина к

лифту.

– Ладно, Алик, – махнул рукой Сергей, – ты уж тут не скучай. И прости меня, что рано ухожу, но меня на ковер утром... Так бы еще чуток посидели. А то в такую рань...

Дверь захлопнулась.

Лифт поехал вниз, увозя друга к счастью.

Времени было час ночи.

Настя убирала со стола. Иванов решил ей помочь, но разбил фужер.

– Настя, – попытался он объяснить свою неловкость, – дело в том, что у меня всего одна комната, хотя и два дивана. Но тем не менее я живу один. И к тому же... – А что «и»?..

Олег потерял нить своих рассуждений.

– Другими словами, мне важно знать, далеко ли ты... то есть вы живете. Такси я оплачу, разумеется. А бокал этот... Ну его к черту!

– Успокойся, Олег, – сказала Настя, – я много места не займу.

Она отправилась мыть посуду. Олег достал два комплекта постельного белья: один, давно не стиранный, бросил на свой диван, а второй положил на другой. После чего лег и сам, не раздеваясь. Какое-то время слышал, как на кухне льется вода, потом там же затренькал мобильник, и голос Насти сообщил кому-то:

– Посуду домываю. Алик уже, кажется, спит... Хорошо. Я рада за тебя. Хороший парень – видно сразу...

Больше Иванов не слышал ничего. Он заснул. Ненадолго пробудился, когда почувствовал, как кто-то залезает к нему под одеяло и обнимает его, спящего одетым.

– Удачи тебе, Серега, – прошептал он сквозь сон.

И повернулся лицом к стенке.

Васечкин шел по коридору управления, кивая встречным сослуживцам. Один из них остановился и протянул руку, здороваясь.

– К Бергамоту спешишь? – спросил сослуживец.

Сергей кивнул.

– Смотри не сорвись, – посоветовал приятель, – будь по-сдержаннее.

Васечкин кивнул еще раз. Хотел отойти, но сослуживец придержал его:

– А ведь какими друзьями были в школе милиции, а! Прямо неразлейвода. А теперь... Что между вами произошло?

– Ничего: обычные отношения. Он – полковник, я – майор. Он – начальник, я – дурак.

– Чего ты огрызаешься, я ведь по-дружески.

– Прости, я спешу, – отмахнулся Сергей.

На двери кабинета висела табличка:

*«Заместитель начальника управления
полковник Э.Ю. Берманов».*

Васечкин толкнул дверь и вошел.

– Стучаться надо, перед тем как врываться, – недовольно произнес Эдуард Юрьевич, торопливо прикрывая дверь служебного сейфа. Он обернулся и увидел Сергея.

– А, это вы. Проходите, товарищ майор. Присаживайтесь.

Берманов опустился в кожаное рабочее кресло и посмотрел, как Сергей, взяв стул за спинку, отошел от стола и сел посреди кабинета.

– Ну что вы, ей-богу! – поморщился заместитель начальника управления. – Прямо как подследственный. Садитесь поближе, товарищ майор. Разговор долгим будет.

– Так я, товарищ полковник, могу и в другой раз зайти, если вы заняты сегодня.

– Не придуривайтесь, Васечкин. Разговор неотложный, а другого раза может и не быть.

Берманов откинулся на спинку кресла и, прищурившись, уставился на Васечкина. И только после тщательного наружного досмотра Эдуард Юрьевич приступил к долгому разговору.

– Что-то не пойму я вас, майор: ведь сколько раз вас предупреждали, выговоры объявляли, неполное служебное соответствие вклеили недавно, а с вас все – как с гуся вода.

– В чем дело? – не понял Сергей. – Что произошло?

Заместитель начальника управления резко поднялся из кресла и перегнулся через стол, хотел, видимо, возмущенно крикнуть, но вместо этого громким шепотом произнес:

– Вчера оправдан Алиходжаев. Освобожден из-под стражи прямо в зале суда.

– А я-то тут при чем? Я – опер, а если следак недоработал, я-то тут при чем? Алиходжаева я взял на месте преступле-

ния...

– А при том, – взорвался Берманов. – Вы его задержали во дворе дома, где было совершено убийство. На суде Алиходжаев показал, что в том дворе он оказался случайно. Зашел по нужде, а тут на него набросился не совсем трезвый мент, скрутил, а потом, связанного, избивал ногами. И пистолет, который в материалах дела значился как улика, тоже не его.

– Но я же изъял эту волюну у Алиходжаева!

– Без понятых? Без протокола? Вы восемнадцать лет в органах, считая школу милиции, а действовать согласно нормам закона и служебных инструкций не научились. И потом этот жаргон!... Волина!

Эдуард Юрьевич поморщился.

– Мне иной раз кажется, что некоторые наши сотрудники ничем не отличаются от бандитов: тот же блатной язык и те же противоправные действия!

– Простите, товарищ полковник, но в протоколе задержания я подробно изложил, как это произошло. Уголовный авторитет Алиходжаев выхватил пистолет, но я успел выбить...

Заместитель начальника управления посмотрел на столешницу и покачал головой:

– И при этом были пьяны. Сколько в прокуратуру на вас жалоб поступало! Что за манера у вас, майор, кулаками махать? Вспомните Лисочкина! Его чудом врачи спасли.

– Это моя недоработка, – признался Сергей. – Я не думал, что его так быстро до больницы довезут. Но он же насильник,

маньяк! Только доказанных шестнадцать эпизодов!

– Да кто бы он ни был, – перебил Васечкина заместитель начальника управления. – Мы служим закону, а не кровной мести. Это у них там вендетта, а у нас закон, который суров, невзирая на лица.

Полковник замолчал и прокашлялся в кулак. После чего вздохнул:

– Короче, принято решение о вашем увольнении из органов. Но служебного расследования никто не хочет, и я предложил... Короче, вы можете подать рапорт по собственному... по состоянию здоровья... по семейным обстоятельствам. Формулировку выберите сами.

– А если я откажусь?

– Вылетите со всеми вытекающими.

Берманов снова опустил в кресло, давая понять, что долгий разговор закончился. Васечкин поднялся со стула и направился к двери. Но перед выходом остановился и обернулся:

– Поскольку судьба моя решена, то скажи мне, Эдик, это ты мне за Анжелику мстишь?

– При чем тут моя жена?

– Да не ты ли мне пел все время: «Какая девушка! Какая девушка! Я так рад за тебя, Серега! Но только что она в тебе нашла?»

Берманов улыбнулся и развел руки в стороны, удивляясь:

– Когда я говорил такое?

И тут же снова стал серьезным.

– Мне известна правда. Анжелика все мне рассказала. Если мы и были с тобой в какой-то мере друзьями, то после того, что я узнал от нее..

– Что ты мог узнать такого?

Заместитель начальника выдохнул тяжело – так, словно он битый час беседует с идиотом, который не понимает, о чем идет речь, и все это время приходится терпеливо повторять одно и то же бесчисленное количество раз.

– Ладно, скажу, хотя ты понял, о чем идет речь. Тогда, тринадцать лет назад, Анжелика пришла ко мне в слезах и призналась, что ты взял ее силой, против ее воли. А ей только-только восемнадцать лет исполнилось.

– Что-о? – поразился Васечкин. – Силой? Так мы почти пять месяцев без поцелуев обходились: разве что цветочки да кино с театрами. А когда решили пожениться, она переехала ко мне в коммуналку...

– Все, майор, отставить! Я не хочу это обсуждать.

– Да пошел ты!

Васечкин вышел в коридор, хотел хлопнуть дверью, но передумал. Перед дверью кабинета заместителя начальника управления стоял следователь Пименов, который неизвестно с какой радости улыбался.

Увидев Васечкина, он обрадовался еще больше:

– Привет, Серега. Слыхал, Алиходжаева вчера выпустили?

– Да пошли вы все!

С Анжеликой Васечкин познакомился, будучи курсантом. Правда, до выпуска оставалось всего два месяца. Была весна, вечер, и с неба капал нудный дождик. Сергей выскочил из метро на станции «Черная речка» и мчался мимо гостиницы «Выборгская». Он спешил, так как его ждала девушка. Может, и не ждала, конечно, но в гости пригласила. Ждала, не ждала, – теперь это выяснить было бы сложно, потому что свидание в тот вечер не состоялось.

У входа в ресторан гостиницы невысокая девушка пыталась отбиться от трех парней. Один держал открытую дверь, в которую вылетала в вечерний сумрак бухающая мелодия, а двое других тащили за руки девушку.

А та, испуганная, не кричала, а пыталась договориться: – Мальчики, не надо, а. Ну я вас прошу! Я не могу сегодня. Меня мама дома ждет.

Ее уже подтащили к двери. Девушка пыталась ухватиться за ручку или упереться ногой в стену, что, впрочем, ничуть не задержало бы навязчивых кавалеров.

Васечкин проскочил мимо, но остановился и обернулся: – Ребята, вы же видите, что девушка не хочет. Отпустите! Сергей был не в курсантской форме. Он был одет так, что его можно было принять за студента, а потому для хулиганов он особой опасности не представлял.

Один даже шагнул к Васечкину и сказал:

– Чего хочешь? Разве не знаешь такого закона, что четвертый лишний? Так что вали отсюда, пока цел.

– Сейчас свалю, только вы девушку сначала отпустите.

– Чего-чего? – переспросил парень.

Он знал, что ему ничего не угрожает: во-первых, их трое против одного, а во-вторых, Сергей говорил негромко и вежливо.

– Не хочешь уходить? – спросил парень. – Значит, тебя сейчас унесут.

И ударил. Тут же, нарвавшись на встречный удар, упал на спину. Драка была недолгой. Двое противников, сбитые на землю, пытались подняться, а третий убежал сразу.

Сергей предложил девушке проводить ее до дома.

Она жила неподалеку – в общежитии института культуры, в котором училась на первом курсе, рассчитывая после успешного окончания стать режиссером народного театра. В тот вечер мама ее вряд ли ждала, потому что мама Анжелики жила в Вологде.

Сергей довел девушку до крыльца общаги и сказал:

– Ну все: моя миссия окончена.

– Даже не знаю, как вас благодарить, – задумчиво произнесла Анжелика и тут же придумала: – А давайте чаю попьем в нашей комнате?

В комнате жили еще три девушки, но по разбросанным предметам женского туалета можно было подумать, что их

гораздо больше. Васечкину пришлось постоять какое-то время в коридоре, а когда его запустили внутрь, как раз и чайник вскипел. Чай пили до глубокой ночи, Сергей едва успел на последний поезд метро. Плановое свидание не состоялось, но Васечкин не жалел: Анжелика ему понравилась.

На следующий день они встретились на Невском проспекте.

Не зная, куда вести девушку, Сергей предложил попить кофе.

– Я так есть хочу! – тут же призналась Анжелика

Он повел ее в кафе. Пытались говорить о чем-то, но разговор срывался, вероятно, потому, что с ними рядом шел невысокий смуглый человек в кожаной куртке и громко повторял, поглядывая на Анжелику:

– Какой ты красивый! Вах! Хочишь дэнэг дам? А?

Это раздражало Сергея, но как поступать в подобных случаях, он не знал.

Когда они подошли к ресторану, навязчивый спутник вдруг вспомнил, что оставил дома кошелек, похлопал себя по карманам:

– Как обидна, да! Нету. Наверна, дома забыл.

И тут же побежал навстречу к другой девушке, говоря:

– Какой ты красивый! Вах! Хочишь... А!

Они стали встречаться. Сергей пригласил ее на торжественный вечер по случаю окончания училища, где и по-

знакомил со своим другом Эдиком Бермановым. Бергамот смотрел на Анжелику во все глаза и, судя по всему, завидовал Васечкину. Только Серега в то время не обращал на такие мелочи никакого внимания. Он и тогда проводил Анжелику до крыльца общаги.

Прощаясь, она попросила:

– Поцелуй меня, пожалуйста.

Васечкин ее поцеловал в обе щеки. После чего Анжелика вздохнула:

– Не сегодня. Потом, когда эти три дуры уедут.

Но уехала сама через несколько дней, потому что летняя сессия закончилась, а в Вологде скучала мама.

По распределению Васечкин, может из-за фамилии, попал на Васильевский остров, в 30-е отделение, где был явный дефицит сотрудников уголовного розыска. Поэтому пришлось вкалывать от зари и до зари, и по ночам тоже. Анжелике в Вологду он звонил почти каждый день, но говорить подолгу не удавалось. К сентябрю студенческие каникулы закончились. Он встретил ее на вокзале и повез на такси в общагу на Черной речке.

Когда переезжали через Неву, Анжелика вздохнула:

– Так неохота туда возвращаться!

И тут же спросила:

– А почему ты до сих пор квартиру не снял? Сейчас бы ехали к себе домой.

На квартиру денег у опера Васечкина не было. Но комнату в коммуналке он снял. В квартире жили еще три семьи, постоянно воюющие между собой, хотя до настоящих разборок дело не доходило.

Неделю Сергей приводил в порядок комнату, прежде чем привести туда Анжелику. Как ни странно, но ей комната понравилась.

Так они стали жить вместе. Вполне счастливо, хотя и недолго. Сергей пропадал на службе, а когда приходил домой, то иногда заставал в комнате Бергамота. Но Эдик стал приходить все чаще и чаще, приносил с собой пиво или шампанское. Времени свободного у него было больше, он служил следователем – в отделении на Лиговском проспекте.

Но, однажды вернувшись после суточного дежурства, Васечкин не застал дома Анжелику. И вещей ее тоже не было.

На столе, придавленная заварным чайничком, лежала записка:

«Мне надоело притворяться счастливой. Думаешь, я не знаю, у кого ты проводишь ночные дежурства? Мне известно все. Живи, как хочешь и с кем хочешь. Прощай».

Сергей помчался в общагу, но и там Анжелика не появлялась. Названивать в Вологду и задавать глупые вопросы не хотелось. Позвонил только Бергамоту и сказал, что Анжелика исчезла и если что-то он узнает, то пусть...

– Конечно, конечно, – перебил его тогда Эдик, – постараюсь ее отыскать. Хотя я удивляюсь, что она в тебе такого на-

шла.

Через пару недель Васечкин обнаружил Анжелику. Случайно. В квартире Берманова. Он приехал к Эдику, позвонил в дверь, Анжелика и открыла. А увидев Сергея, даже не испугалась.

– Только давай без этого, – сказала она, – я свой выбор сделала. Не хочу провести свой век на коммунальной помойке. Не для этого я родилась.

Вышел Эдик с напряженным красным лицом.

– Ну что, – спросил он, повернувшись боком и дергая левым плечом в ожидании удара, – хочешь отношения выяснить?

Васечкин посмотрел на него, на любимую девушку и согласился:

– Да ладно, чего тут выяснять, и так ясно, что вы друг друга стоите.

– Вот только оскорблять не надо! – возмутилась Анжелика.

Васечкин начал спускаться и, только когда миновал пару лестничных маршей, услышал долетевший сверху крик Бергамота:

– Ты еще ответишь за свой базар!

Сергей вернулся к родителям в двухкомнатную квартиру, где после развода жила еще и старшая сестра с дочкой. Через пару недель после ссоры с Бергамотом случилась в го-

роде очередная заказуха. Объявили план «Перехват». Васечкин стоял с двумя молодыми гаишниками на этом самом перехвате, когда на них выскочила машина с киллерами. Обоих гаишников положили сразу же из «калаша», досталось и Сергею – одна пуля раздробила ему левую ключицу, а вторая скользнула по виску. Уже с земли Васечкин высадил вслед улетающей «девятке» всю обойму и сам удивился результату: автомобиль развернуло на скорости и перевернуло пару раз. Водитель был убит сразу. Один из киллеров скончался по дороге в больницу, третий тоже был ранен, но не настолько, чтобы не дать показаний. Допрашивал его, кстати, Бергамот, который получил за это повышение по службе и внеочередное звание. Васечкину дали медаль и пообещали выделить квартиру. Квартиру и в самом деле предоставили, но только через полтора года, когда Сергей вернулся из Чечни с двумя орденами. Квартирка находилась опять-таки на Васильевском, окна ее выходили во двор-колодец. В комнатухе всегда было мрачно и затхло. Но Сергей был доволен: в благодарность за это можно было бы еще повкалывать в ментуре – не за ордена же с медалями служить, в самом деле. Не говоря уже о выговорах.

Но не сложилось.

Олег проснулся и не мог понять, почему он спал одетым. Потом вспомнил вчерашний вечер. Повернулся в постели – рядом никого не было. Зато с кухни доносились запахи приготавливаемого завтрака, точнее, яичницы с ветчиной.

Он вышел на кухню и посмотрел на Настю, сидящую за столом в его банном халате. Рукава были ей длинны, и Настя их подвернула. Увидев появившегося хозяина квартиры, девушка поднялась с табурета.

– Привет, – сказал Олег, – давно проснулась?

– Только что. Душ приняла и вот решила тебя покормить.

– Спасибо за заботу. Только не вскакивай больше при моем появлении: мы не в школе и я не учитель.

Он подошел к телефону и набрал номер ординаторской. Телефон был занят.

Прежде чем сесть за стол, Олег постоял в душе, побрился и выбрался на кухню преображенным.

Настя это оценила.

– Совсем другой человек, – сказала она.

– Я вчера никаких глупостей не натворил? – поинтересовался Олег.

– Как раз наоборот: все было замечательно.

– В смысле?

– В том смысле, что все произошло так, как и должно при

первой встрече. Я сюда не рвалась – Кристинка уговорила, ей Сергей с первого взгляда понравился, и она комплексовала: ей казалось, что она от волнения будет говорить глупости и такой серьезный мужчина в ней разочаруется. Поэтому я должна была взять на себя роль дурочки.

– С которой ты не справилась.

Олег присматривался к своей гостье и удивлялся тому, что не разглядел ее как следует накануне. Настя, видимо, и в самом деле была родственницей Кристины – они походили друг на друга, только Настя была утонченнее во всех смыслах.

– Вы с Кристиной – ровесницы? – спросил он.

– Ну что ты! – рассмеялась девушка. – Я намного старше: мне уже двадцать шесть. Дочке пять лет.

– Замужем?

– И в разводе пять лет.

Олег хотел спросить еще кое-что, однако промолчал, но Настя заметила.

– Тебя интересует, вероятно, с кем я живу, на кого оставила дочь и почему рассталась с мужем?

Иванов кивнул и добавил:

– Можешь не отвечать.

Девушка улыбнулась:

– Я сама хочу рассказать тебе. Дочка сейчас у свекрови, она, в отличие от бывшего мужа, нормальный человек и без ума от единственной внучки. А бывший мой муж – профес-

сиональный шулер. Его не интересуют ни дочь, которую он никогда не видел, ни родная мать, ни я.

Завтрак закончился. Олег придвинул к себе телефонный аппарат и набрал номер.

– Да-да. Я узнала вас, – ответил незнакомый женский голос. – Вы не могли бы приехать?

– А что случилось? – спросил Иванов, чувствуя, как сжимается сердце.

После некоторой паузы женщина ответила:

– Та пациентка, которой Владимир Адамович сделал вчера операцию, скончалась.

– Как это случилось? – хрипло прошептал Олег.

– Просто не пришла в себя. Дежурный врач подошел к ней утром, подумал, что она спит, а на самом деле...

Олег положил трубку на стол. Отбойные гудки теперь звучали на всю кухню. Настя подняла трубку и осторожно положила ее на рычаг.

– Это я во всем виноват, – выдавил из себя Иванов. – Я ведь по специальности кардиохирург. Бросил свое дело и теперь вот положился на выжившего из ума старца, который уже лет двадцать повторяет, что нет сложных операций, а есть плохие хирурги. А Лена заранее чувствовала... Нет, она чувствовала, что на меня нельзя положиться.

Снова зазвонил телефон. Настя подняла трубку и тут же вернула ее на рычаг.

– Не вини себя. Ты был не первым врачом, к которому она

обратилась.

– Она ко мне и не обращалась, но я был единственным, кто смог бы помочь ей.

– Как?

Снова зазвонил телефон. На этот раз Настя решила ответить. Она поднесла трубку к уху и шепнула в нее:

– Слушаю.

Из трубки вылетел счастливый голос Кристины:

– Привет. Как у вас дела? У нас все классно. Только я не выспалась. Сергей на работу пошел, а я ему рубашку погладила. Сейчас начну обед готовить...

– У нас все плохо, – шепотом перебила сестру Настя, – в больнице все плохо. Мы сейчас туда поедem.

Олег поднялся тяжело и пошел надевать костюм.

Тело уже отвезли в морг. Поэтому Олег, не задержавшись в отделении, направился туда. Ноги были ватными, в висках пульсировала единственная короткая фраза, щелкая, как треснутый колокольчик: «Как так? Как так?» Санитар подвел Иванова к столу, на котором лежало тело, накрытое простыней с размазанным больничным штампом. Солнце сияло прямо в окна, едко пахло формалином. Оставшись один, Олег откинул простыню и посмотрел на мертвое Ленино лицо. Потом наклонился и коснулся ее губ. Это был их второй поцелуй. Теперь уже последний.

Он вернулся в отделение и в коридоре встретил Кристину, увидел ее слезы и прошел мимо. Открыл дверь пустой палаты, постоял на пороге и только потом вошел внутрь. Сел на голый матрас койки. В палату вошла женщина – дежурный врач, имя которой Иванов не помнил или не знал.

– Акт о смерти мы уже составили, – сказала она тихо. – Надо связаться с родственниками, мы уже позвонили по домашнему номеру, но там никто не снимает трубку.

– У нее никого нет, – с трудом выдохнул Олег. – А похоронами займусь я.

– Мне можно идти? – еще тише спросила женщина.

Иванов слабо махнул рукой:

– Идите, работайте.

Когда дверь закрылась, он заглянул в тумбочку и обнаружил мобильный телефон и большой конверт. Телефон не был разряжен, и Олег проверил исходящие звонки. Все они были сделаны на один номер, и все входящие приходили с этого же номера. Других звонков не было. Рядом с цифрами номера светилось имя абонента: «Верочка».

Конверт был не запечатан. Открыв его, Олег обнаружил тонкую пластиковую папочку и лист с рукописным текстом. Взглянув на него, Иванов тут же зажмурился. Но все же открыл глаза и начал читать. Это было адресованное ему письмо:

«Олег, если ты читаешь мое послание, значит, меня уже нет. Жалко, конечно, но я счастлива. Счастлива оттого, что Бог послал мне тебя. То, что случилось, рано или поздно должно было случиться, но мне уходить легко и радостно, потому что ты рядом. Я любила тебя до того, как увидела, и не разлюблю после того, как уйду. Но теперь ты не единственная моя любовь. Помни, что обещал мне. Не бросай Алика. Оставляю тебе все, что у меня было в этой жизни. До встречи. Надеюсь, не скорой. Счастья тебе».

В тоненькой папочке лежали заверенные нотариусом документы: генеральная доверенность на имя Иванова Олега Богумиловича на право распоряжаться трехкомнатной квартирой общей площадью 67,7 кв. м, дарственная, по которой тому же Иванову О.Б. переходит летний дом в поселке Пятяярви с земельным участком площадью 0,12 га. Еще в

конверте находились четыре листочка, скрепленных пластиковой зеленой скрепкой: оригинал свидетельства о расторжении брака между гр. Флярковским Борисом Евсеевичем и гр. Игнатьевой Еленой Вячеславовной, нотариально заверенный отказ от прав отцовства, в котором гр. Флярковский Борис Евсеевич отказывается признавать гр. Игнатьева Олега Борисовича своим сыном и от исполнения связанных с этим обязательств. Далее шло решение суда, согласно которому по обоюдному решению сторон гр. Флярковский Б.Е. не является более отцом несовершеннолетнего гр. Флярковского О.Б. Последним прикрепленным документом был лист с текстом, набранным на компьютере. Это было письмо Лене. «У тебя хватило ума не предъявлять мне никаких материальных претензий. Надеюсь, хватит мозгов не тревожить никогда своими посланиями». Под этими двумя строчками стояла аккуратная подпись «Фляр» с закорючкой и с расшифровкой «Флярковский Б.Е.».

Но это были не все документы. Самый важный остался в конверте, прижался к его боку, словно не хотел вылезать. Это было нотариально заверенное обращение гр. Игнатьевой Е.В. в органы опеки и попечительства, в котором она просит назначить гр. Иванова Олега Богумиловича опекуном своего несовершеннолетнего сына, так как именно Иванов О.Б. является истинным отцом ее ребенка.

Все бумаги Олег сложил в конверт, еще пошуровал в тумбочке и обнаружил связку ключей от квартиры и небольшую

фотографию, на которой Лена держала на руках светловолосого мальчика. На снимке Лена улыбалась, а мальчик серьезно и внимательно смотрел в объектив.

Он сидел на кровати, на которой еще менее суток назад лежала живая Лена, и думал. И не верил. Трудно было представить, будто она заранее знала не только то, что уйдет из жизни, но и то, что встретит в последние дни его, который когда-то уже предал ее и, возможно, предаст еще раз. Или она знала его лучше, чем он сам? Давая обещание, Олег успокаивал живого человека, предполагая, что Лена будет жить еще долго и все тревоги ее напрасны. А теперь он должен взять на воспитание чужого ребенка? Хотя Лена зачем-то назвала именно его истинным отцом. Зная, что это неправда. Однако, обманывая органы опеки, она думала о сыне, о его благе. А будет ли гр. Иванов О.Б. благом? Вопрос более чем спорный. Мальчику пять лет, ему требуется постоянный уход и забота, внимание и любовь, наконец. А гр. Иванов, отягощенный работой, дежурствами и теперь вот заведованием, домой только ночевать приходит, и не всегда один. Хотя жизнь, казавшаяся ему еще совсем недавно такой сложной и запутанной, теперь превратилась в один маленький и незамысловатый узелок – имя которому Алик Игнатьев. Долгие годы Иванов презирал себя за подлый поступок, совершенный им на заре юности, долгие годы он надеялся искупить эту подлость, готов был сделать все, что угодно, чтобы Лена простила его, а теперь, когда жестокая судьба

предоставила ему эту возможность, он сидит и размышляет. Отказаться – значит совершить еще большую подлость.

Открылась дверь, и в палату вошел Васечкин, за которым прокралась Кристина. Олег поднялся навстречу, и они обнялись.

– Что надо делать? – спросил Сергей. – Скажи: у меня теперь много свободного времени.

От больницы до поселка Пятяярви на машине Васечкина добирались почти полтора часа. Подъезжая, Олег позвонил с мобильного Елены по единственному записанному на нем номеру.

– Елена Вячеславовна? – отозвался женский голос.

– Вера, это вам звонит друг и одноклассник Лены. Я еще с одним нашим другом еду. Скоро будем у вас. Скажите, как дом отыскать?

– А что с Еленой Вячеславовной? Как операция прошла?

Иванов промолчал, но женщина, разговаривающая с ним, уже догадалась сама.

– Я поняла. Горе какое! Но она, видимо, предполагала, потому что оставила мне под диктовку кучу распоряжений. Простите, а вас не Олегом Ивановым зовут?

– Это я и есть.

– Тогда и в отношении вас есть распоряжения. С шоссе свернете к поселку, а потом второй поворот направо и увидите дом на высоком цоколе.

Вера встретила друзей у ворот. Олег с Васечкиным вошли на участок, поросший соснами. Олег покрутил головой, но мальчика не увидел. Вера предложила пройти в дом и сама шла впереди, рассказывая.

– Елена Вячеславовна купила этот дом весной. И на лето

пригласила меня с дочкой пожить здесь. А когда в больницу на обследования легла, то я одна с детьми осталась... – говорила она.

«Почему Вера называет Лену по имени и отчеству? – подумал Олег. – Она моложе, но не настолько, чтобы называть подругу так официально».

Они поднялись на высокое крыльцо, вошли в дом. Обстановка и мебель – все напоминало городскую квартиру, в которой живут постоянно, а не приезжают на короткий срок.

– Бывший владелец проживал здесь круглый год, – объяснила Вера. – Очень комфортно: все удобства в доме, спутниковая антенна, а в цокольном этаже – гараж и сауна.

Пока она говорила это, Васечкин показал другу глазами на стойку для обуви, на которой рядом с детскими ботиночками стояли мужские кроссовки. На вешалке висела мужская куртка.

– А кто это у вас? – спросил Олег и показал на вешалку.

– Муж приехал на недельку, – объяснила Вера. – Мы ведь в Москве живем. Вроде как в отпуск.

– Счастливый человек, – вздохнул Васечкин.

– А сейчас он где? – спросил Олег.

– С детьми в лес пошел. Это метров сто отсюда. Там грибов много, черники можно набрать. Вчера белочку дети видели.

– Как Олежка? – поинтересовался Васечкин.

Вера оглянулась на него и промолчала.

– Как здоровье его, спрашиваю.

– Здоровье его хорошее, но он совсем не может жить без мамы. Если честно, мне непросто с ним. Он послушный, исполнительный и добрый, очень добрый мальчик. Но с того дня, как мама уехала, он почти ничего не ест и плачет по ночам. Не спит, а плачет, причем так горько и бесшумно, без всякого звука: вероятно, чтобы нас не потревожить. Мы его жалеем, стараемся отвлечь – играем с ним, учим читать. Сегодня ночью подошла к нему, гляжу: а он не плачет, не спит, правда, а сидит в кроватке. Я спрашиваю: «Что с тобой, Олежа?» А он мне в ответ: «А что, мама умерла?»

– Лена этой ночью умерла, – сказал Иванов.

– Я понимаю, – спокойно произнесла Вера.

Олег и Сергей снова переглянулись: уж больно легко встретила эта странная женщина известие о смерти близкой подруги. И она поняла это.

– Вы уж меня извините, – вздохнула она, – просто я ждала именно такого исхода, надеялась на лучшее, но Елена Вячеславовна меня все время подготавливала к самому худшему. А я к смертям привыкла, причем к самым страшным. Насмотрелась. Я же, когда Советский Союз распался, в Туркмении жила вместе с родителями. Отец военным был. Союз распался, а мы там остались. А куда нам ехать, если в России у нас ни дома, ни квартиры, да и работу как найти? В Туркмении тогда война началась, все воюют: кто с кем и за что – непонятно – воюют между собой, а все убивают поче-

му-то русских. На улицу выйти нельзя. Сначала отца убили на улице, мы его похоронили. Потом мама пошла в магазин и пропала. Она не одна пропала, а с одной девушкой – женой лейтенанта, подчиненного отца. Этот лейтенант, Коля, тогда взял автомат, трех друзей уговорил, сели они в «уазик» и отправились на поиски. Через сутки нашли обеих, но уже мертвых, истерзанных. В горах, в каком-то селении, где одна из банд стояла. Коля вернулся, привез тела и мамы, и своей жены, и еще двух своих товарищей. Третьего друга ранили, но выжил. И главаря той банды привез, связанным и избитым. Сдал его местной администрации, а его самого арестовали наши же. Посадили под арест, а утром толпа местных собралась, требуют выдачи. Сотни местных пришли. В основном женщины. Женщины орут, дети камни бросают в окна, кто-то из автоматов палит. А главарь той банды впереди всех. Тогда Колю не сдали за то, что он с друзьями банду уничтожил. Но вечером, когда толпа разошлась, приехали представители местной администрации и забрали Колю для суда. Его выдало командование, хотя все знали, каким будет приговор. Казнили там публично на площади по мусульманскому обряду: отрубали голову, а потом на кол голову сажали для всеобщего обозрения. Но командование решило: лучше одним пожертвовать, чем ставить под угрозу жизнь других, в первую очередь женщин и детей. Можно было подумать, что мы и так в безопасности жили. Колю увезли и в яму посадили. Той же ночью один местный – его поставили яму охра-

нять – Колю вытащил. Главарь, которого Николай захватил и которого местная администрация тут же отпустила, был кровником того туркмена. Ночью Коля пришел в квартиру, где я одна оставалась, сказал: «На сборы пять минут!» – и мы сбежали. Туркмен отвез нас километров за сто от города, Коля отдал ему почти все деньги, которые при нас были, и ключи от квартир – своей и нашей. Сказал ему: «Все, что в домах есть, – все твое». В благодарность, значит. Этого туркмена там и взяли. Это мы уже потом через полгода узнали, когда дозвонились до части. Выбирались из Туркмении долго, по дорогам старались не идти, ночью в основном пробирались. Денег не было. Удалось на товарняк запрыгнуть и добраться до Красноводска. Там случайно обнаружили рыболовное судно, которое шло до Астрахани. В Астрахани Коля нашел воинскую часть, показал документы, попросил помощи, чтобы до Москвы доехать, до управления кадров, ведь он военнослужащим тогда числился. Выдали нам проездные документы, офицеры денег собрали. Приехали в Москву. Я на вокзале осталась, а Коля направился в Министерство обороны, где его задержали и передали в комендатуру. Посадили под арест и стали решать, что с ним делать. Недельку держали, а я все это время на вокзале была. Попрошайничала, естественно. Меня милиция задержала, в спецприемник отправили, но я оттуда сбежала – и снова на вокзал. Потом меня цыгане хотели украсть, в машину запихнули уже, а тут как раз Коля появился. Спешит к вокзалу. Я его через окно

увидела и как заору! Он подскочил. Началась драка. Коля меня отбил, но его два раза ножом пырнули. Убежали мы, недалеко, правда. Коля упал и сознание потерял. Я стою, реву, а люди мимо проходят, будто не слышат и не замечают. А зачем замечать? Я в лохмотьях, а рядом мужчина в выгоревшем камуфляже, весь окровавленный – бомж, наверное. Мимо «Скорая» проезжала, и я под колеса бросилась. «Помогите, – кричу, – там мой брат умирает!» Слава богу, успели в больницу. Коля там больше месяца лежал, а я при больнице жила, санитаркам помогала. Поправился он, и мы пошли работу и жилье искать... Поначалу на рынок устроились Коля помогал туркменским продавцам ящики с фруктами разгружать. Потом он другую работу нашел – водителем на маршрутке. Мы комнатку сняли. Соседи вскоре жалобы начали писать куда следует: дескать, извращенец с десятилетней девочкой живет. Раз меня увезли на экспертизу, потом другой. Все нормально, но врачам и разным чиновникам интересно, и они спрашивают: «А как вы спите? В одной ли постели? А ночью, что вы делаете? Как вы этим делом занимаетесь?» Отвел меня Коля в школу устраивать. И там встретили Елену Вячеславовну. Она тогда в институте училась и в школе английский язык преподавала. Коля начал ей все рассказывать, не выдержал и заплакал. А он, большой такой, сильный, стоит и плачет. Елена Вячеславовна взяла мои документы, пошла к директору и договорилась. Потом повела к себе домой и сказала: «Будете жить здесь!» У них

с бабушкой тогда двухкомнатная квартира была. Так мы с Колей в одной комнате, а они с бабушкой – в другой. Коля тогда с раннего утра до глубокой ночи без выходных вкалывал. Все деньги до копейки бабушке отдавал, она их принимала, потому что Николай отказов и слушать не хотел. Зато бабушка такой заботой меня окружила, мы с ней и в театры ходили, и в музеи, и одевала она меня так, что обеспеченные девочки в школе завидовать начали. Так мы вместе лет пять прожили. Я уже понимала, что люблю Колю без памяти, не так, как брата любят, а больше жизни. И знала, что он тоже любит меня и страдает оттого, что я маленькая такая. У него же после гибели жены никого не было, даже случайных женщин. Я однажды не выдержала и сказала ему: «Коленька, я тебя очень люблю, и хочу замуж за тебя, и детей хочу тебе рожать». Он заморгал и ответил, что сперва надо школу закончить. Ну, это ладно. А за Еленой Вячеславовной как раз начал ухаживать ее будущий муж. У нее ведь тоже никого не было. В гости начал приходить с цветами и шампанским. Продукты приносил. А когда бабушка заболела, то он ее в лучшую больницу устроил. А потом похороны организовал в Петербурге, потому что бабушка хотела рядом с дочерью лежать... Кстати, и Лена тоже мне написала, где это, чтобы и ее там же похоронить. Кладбище указала и номер участка... Так вот: после смерти бабушки Борис Евсеевич сделал Елене Вячеславовне предложение. Она подумала и согласилась. Мне сказала, что ей уже двадцать семь лет, а ухажеров нет,

Борис Евсеевич любит ее и будет заботливым отцом, а она очень хочет детей. Свадьба была очень пышной. Правда, выходя замуж, поставила Борису Евсеевичу условие, что он и нас с Колей забирает к себе: Николая – водителем-охранником, а меня помощницей по дому. Мы переехали в Барвиху. Дом очень большой оказался, там даже бассейн был. После свадьбы они съездили в путешествие во Францию. А когда вернулись, мне показалась даже, что Елена Вячеславовна довольна. Но это она притворялась: Борис Евсеевич оказался очень ревнивым. Хотя Елена Вячеславовна все время дома находилась, он все равно устраивал сцены. А когда она забеременела, то он и вовсе взбесился: кричал на весь дом, что ребенок не его, потому что ему уже сорок пять, у него было тыща баб и ни одна от него не залетала. Елена Вячеславовна ответила как-то, что, видать, плохие женщины попадались. И тогда он ее ударил в первый раз. Потом стал бить постоянно. У нее синяки стали появляться на лице. Однажды Коля не выдержал. Он подвез Бориса Евсеевича к дому, Елена Вячеславовна вышла на крыльцо и поздоровалась: «Здравствуй, Коленька». Тут хозяин совсем озверел, заорал: «При мне бы хотя бы сдержалась. Без меня занимайтесь чем хотите! Мне плевать!» И ударил ее, беременную. Видимо, в этот момент ему в голову стукнуло, что Коля – любовник Елены Вячеславовны и ребенок от него. Может, конечно, он и раньше так думал. А Николай не вытерпел и ударил Бориса Евсеевича. Два раза. Не по лицу, разумеется. Тот упал,

корчиться начал, кричит: «Охрана, мочите этого гада! Мочите немедленно, вся ответственность на мне!» А ребята из охраны стоят рядом. И молчат. Колю все уважали. Мы с Николаем собрали вещи, пошли прощаться с Еленой Вячеславовной. Она сказала только: «Погодите пять минут, я с вами ухожу». Мы ушли, никто нас не задерживал. Вернулись в ту квартирку, но жили вместе недолго. Бывший хозяин туда приходил и скандалил, когда Коли дома не было. Тогда Елена Вячеславовна быстро продала квартиру и уехала в Петербург. На деньги, вырученные за двухкомнатную московскую квартиру, она смогла купить в Петербурге трехкомнатную и теперь еще этот участок с домом. Вот такая история.

Она замолчала. Как раз в это время на дорожке, ведущей к дому, появился высокий мужчина, держащий на руках мальчика и девочку. Дети бережно прижимали к себе плетеные корзиночки. Вера поспешила навстречу мужу и что-то негромко сказала ему. Николай поставил детей на землю и подошел к гостям. Протянул руку Сергею и спросил:

– Это вы – Олег Иванов?

Очевидно, крепкий Васечкин более всего в его представлении походил на избранника Елены.

Сергей пожал его руку и представился. А потом показал на Олега:

– Иванов – это он.

Рукопожатие у мужа Веры было очень крепким. Олег ощутил это. Каково было гр. Флярковскому Б.Е., оставалось

только догадываться. Тут подошла девочка и показала содержимое своей корзиночки, в которой лежало несколько мелких подосиновиков и ягоды черники. Мальчик подойти не решался. Иванов сам подошел к нему:

– Привет, меня Олегом зовут. А тебя как?

Мальчик промолчал и внимательно разглядывал Иванова.

– Не хочешь говорить – не надо. Потом скажешь. Я просто хотел узнать, много ли в лесу белочек, а то я собираюсь за грибами, а белок боюсь. Вдруг они ка-ак прыгнут.

Мальчик по-прежнему молчал. Может, принимал Иванова за идиота, а может, просто его научили не разговаривать с незнакомыми людьми.

– Ну ладно, – вздохнул Олег, – придется поход в лес отложить, а ведь так черники хотелось.

Мальчик поставил перед Олегом свою корзиночку, дно которой было покрыто черникой, и отошел в сторону.

– Вообще он сразу в сторону отходит при приближении посторонних, – объяснила Вера, когда Иванов вернулся на крыльцо. – Нас-то он с самого раннего детства знает, мы для него почти своя семья, и то он осторожничают.

– Такой нелюдимый? – удивился Васечкин.

– Подозреваю, что он очень умный, – произнес Николай. – Говорю без всякой иронии. Мне постоянно кажется, будто он человека насквозь видит и читает все его мысли.

– А у меня мысль одна, – сказал Олег, – оформить поскорее опеку и забрать его с собой.

– Мы в курсе, – кивнул Николай. – Лена нас предупредила, что это будет именно так.

– Она тоже все наперед знала, – поддержала его жена и спросила: – А когда похороны? Мы бы Олежку с собой в Москву могли забрать, он нам не чужой, мы ему тоже. Но Елена Вячеславовна почему-то была против. Выбрала вас. Но если начнутся трудности какие с ребенком, то мы всегда готовы.

Народу на похоронах было немного: Иванов с Васечкиным, Кристина с Настей, Вера с Николаем, оставившие детей в квартире Лены. Перед погребением надо было что-то говорить, но все стеснялись. А без этого все выглядело бы не очень пристойно, словно несколько человек собрались лишь для того, чтобы поскорее закопать в землю какой-то посторонний и никому не нужный предмет. Конечно, Настя с Кристиной ничего не могли бы сказать. Иванов стоял, понимая, что все ждут слов именно от него, и только от него. Он шагнул вперед, но Николай уже встал у гроба.

– Лена, – сказал он, – ты самый близкий и любимый наш с Верочкой человек, была такой и такой останешься всегда в нашей памяти и в памяти наших детей, которые будут знать о тебе теперь, увы, только из наших рассказов. А мы уж не забудем рассказывать о тебе: мы с Верочкой потому и выжили, что ты была рядом. Мы и дочку свою в честь тебя называли, и теперь воспитывать ее будем так, чтобы она была хоть немного похожа на тебя...

Олег поднял глаза и увидел Настю, которая прикрывала слезы ладонью. Кристина плакала. А он еще сомневался, стоит ли их брать с собой.

Вера подошла к мужу и, когда он замолчал, сквозь слезы сказала, что она помнит, как хоронили отца, как Коля привез

домой убитую маму, которую она уже не успела похоронить, как она думала, что на всю жизнь осталась одна, но потом появилась Елена Вячеславовна, ставшая ей и мамой, и старшей сестрой, и лучшей подругой, и учителем...

Все это говорилось под шелест листвы кладбищенских деревьев и уносилось дыханием ветра куда-то далеко, где хранятся грустные воспоминания, потерянные надежды и несбывшиеся мечты.

Иванов знал, что все ждут от него каких-то слов, как будто словами можно что-то изменить...

– Это я во всем виноват... Прости меня, – только и смог выдать он и отвернулся, чтобы никто не увидел его лица.

Ленина квартира располагалась в доме, стоящем в самом конце Московского проспекта. Когда-то здание это было престижным местом для проживания, на верхних этажах располагались просторные мастерские для художников. Лет сорок назад многие мечтали жить в таком доме, но теперь он ничем не отличался от остальных, а по сравнению с новостройками, сверкающими голубыми плоскостями застекленных лоджий, и вовсе казался стариком, скрывающим свое бывшее величие. Прежде чем сесть за стол, Иванов с Васечкиным рассматривали фотографии, висевшие на стенах, – на них были запечатлены Вера с Николаем и дочкой и маленький Алик. Возле одного снимка Сергей задержался.

– Это ты на Кавказе? – спросил он Николая.

Тот кивнул.

– Я тоже в Чечне без малого два года просидел.

– А я в Дагестане контрабандником. Разве Вера вам не рассказывала?

– А у Сережи два ордена Мужества, – подсказала Кристина.

Пока девушки накрывали стол с нехитрыми закусками, Николай отвел Олега в сторону и негромко, так, чтобы не услышал мальчик, сказал:

– Мы тут с Верой подумали... В общем, ты пока Олежку не забирай. Сначала опекунство оформи. Да и мальчику сейчас тяжело придется, одному Богу известно, как он это переживет. В своей квартире он у себя дома, а менять обстановку для него будет лишним стрессом. Приезжай почаще, чтобы он успел к тебе привыкнуть.

Поминки были недолгими. Говорили мало, да и какие слова могут выразить боль безвозвратной потери... Даже не знавшие Елену Кристина и Настя сидели притихшие, ощущая общую атмосферу молчаливой тоски и подавленности.

Когда стало смеркаться, Васечкин поднялся из-за стола и сказал:

– Мы, пожалуй, поедem. Завтра рабочий день.

Гости начали собираться, их не пытались удержать, все всё понимали. Когда сели в машину, Васечкин спросил Олега:

– Ко мне заедem или ты сразу домой?

А Иванов даже не знал, что будет лучше: остаться одному или посидеть с другом, чтобы разделить с ним горе, которое только его, личное, и останется с ним навсегда – всегда будет напоминать о его предательстве и невыполненном обещании.

Все же он отправился домой, остался один, дождался темноты и долго сидел в кресле во мраке Вселенной, где уже не осталось звезд и надежд. Так в кресле и уснул. Открыл глаза только под утро, когда нетерпеливый дождь громко и равнодушно застучал по жестяному подоконнику. Олег поднялся и подошел к окну, за которым, укрытый пеленой дождя, спал город. Мир изменился, но что сделало его иным, Иванов не мог понять: все вокруг вдруг стало посторонним и ненужным, чего-то не хватало миру, не хватало и самому Олегу. Он зажмурился и вдруг понял, чего он лишился навсегда и чего уже никогда не вернуть.

– Нет, – прошептал он, не открывая глаз, – так не должно быть.

Сказал и понял, что ничего изменить уже нельзя и желать того, что никогда не сбудется, бесполезно. И открывать глаза, чтобы вновь оказаться один на один со слезами неба, тоже не хотелось. «Если мое желание не сбудется, то пусть ее осуществится», – подумал он.

И не поверил себе, словно только что пожелал невозможного.

– Что же вы только сейчас вспомнили, что это ваш родной сын? – спросила дама из органов опеки.

– Я и не забывал никогда, – ответил Олег. – Просто так сложилось.

Дама из органов опеки внимательно изучила все документы, которые Иванов принес. В том числе личное письмо гр. Флярковского своей жене и ее заявление, в котором она просила передать опекунство Олегу Богумиловичу Иванову.

– А почему вы не хотите усыновить мальчика? – поинтересовалась дама.

– Почему не хочу? Очень хочу.

На самом деле до этого момента Олег не задумывался об этом.

И сейчас сказал только по инерции.

– Просто думал, что с оформлением опекунства будет попроще, – объяснил он свои действия.

– И то, и то одинаково сложно, – вздохнула дама, – по крайней мере, вам придется собирать одни и те же справки: форму семь и форму девять, характеристику с места работы и по месту жительства от участкового, справку о доходах, справку о состоянии здоровья, от психиатра и от нарколога, согласие родителей... хотя с этим вы уже подсуетились...

Последнее слово вывело Иванова из себя, но он сдержал-

ся.

– А вы хотите, – произнес он, – отдать ребенка в детский дом?

– Я ничего не хочу, – с грустью заметила дама. – Я должна действовать согласно установленным правилам в интересах ребенка. А передать вам – неизвестно какому еще отцу – дитя, верить в ваши руки будущее человека...

– Вообще-то я врач, – напомнил Олег, – и мне вверяют свои жизни люди, не требуя справок и характеристик.

– Это разные вещи, – возразила дама.

Ей было не более сорока лет. У нее были пышные мелированные волосы и розовые тени на веках. Она внимательно изучала сидевшего перед ней холостяка в расцвете лет.

– По закону такие вопросы решаются в течение года, – грустно вздохнула дама, давая понять, какое тяжелое испытание ждет всякого, кто обращается с подобными вопросами в органы опеки и попечительства.

– А может, как-то...

– Как-то не получится, – перебила Олега мелированная дама. – Если бы я решала единолично, то, вполне вероятно, учитывая ваши положительные характеристики и справки, и то, что вы являетесь биологическим отцом, я бы могла пойти навстречу... Но, увы, решение принимает комиссия, а в ее составе – разные люди. В том числе и... Как бы вам сказать...

– Не совсем бескорыстные, – догадался Иванов.

– К сожалению, – призналась дама. – Но и они действуют

в интересах ребенка. Ведь без этого отказать никак нельзя.

– Значит, мне могут и отказать? – удивился Иванов. – Целый год ходить, мучиться, думая, как там ребенок в приюте... А потом отказ?

– Возможно, случится и другое: ваш ребенок может быть усыновлен другой семьей, у которой все будет в порядке с документами... И с финансами... Ну, вы меня понимаете.

Иванов понимал и потому спросил негромко:

– Сколько надо не совсем бескорыстным честным членам вашей комиссии, которые бы в короткие сроки приняли решение в пользу отца?

Дама взглянула на дверь, потом на окно, потом выдвинула ящик стола, словно и там искала ответ на вопрос.

– Только между нами...

Она перешла на шепот.

– Я не знаю точно. Потому что никогда не занималась подобными вещами и, естественно, не интересовалась, не опрашивала всех членов комиссии. Но думаю, что пяти тысяч у.е. вполне будет достаточно. Ведь зарплаты – сами знаете...

– Догадываюсь: у самого такая же.

– Вот видите, – согласилась дама, – как трудно вам будет воспитывать ребенка – а у нас ведь и свои дети. У некоторых даже не один. У меня, например, сын. Ему шестнадцать, и он занимается спортом. Всякие соревнования, сборы, за которые мне платить, не говоря уже о форме и об усиленном

питании.

– Мой сын будет питаться хорошо, я гарантирую. А потому готов для этого внести необходимую сумму.

Дама посмотрела на свои наращенные ногти с французским маникюром.

– А вдруг вы женитесь? – поинтересовалась она, не поднимая глаз.

– Не исключено, – согласился Олег. – Я понимаю ваши сомнения, однако постараюсь выбрать достойного человека. Пусть даже моя избранница будет старше меня, пусть у нее будет свой ребенок, но зато с ее опытом и знаниями мы вместе сможем дать ребенку то, что необходимо.

Иванов ляпнул это не подумав, но, кажется, дама услышала именно то, что хотела услышать.

– А сейчас у вас есть кто-то? – спросила она, продолжая разглядывать ногти.

– Никого. Да и времени нет бегать, знакомиться.

– Хорошо, – кивнула дама и взглянула на Олега проникновенно. – Я подумаю, чем можно вам посодействовать. А вы со своей стороны...

Она выдержала паузу, в течение которой посетитель должен был догадаться.

– Я понял, – сказал он, – пять тысяч у меня есть.

– Меня Кларой Петровной зовут, – напомнила дама и протянула Иванову визитку с золотым тиснением. – Звоните. Не тяните с решением.

Вообще-то решение должна принять комиссия. Но Олег промолчал. Достал из кармана бумажник и вложил в него визитку, после чего осторожно вернул бумажник туда, откуда и достал, – поближе к сердцу.

– Можно называть меня просто Кларой. А для близких друзей я – Клэр.

Она заглянула Олегу в глаза и вздохнула:

– Но так меня давно уже не называли.

– А я – Алик, – признался Иванов и разозлился на себя за угодливость.

– Кстати, – вспомнила Клара Петровна, – там в документах промелькнула фамилия Флярковский.

– И что с того? – пожал плечами Иванов.

– Ничего, конечно. Просто спросила. Интересно узнать: не родственник этот Флярковский известному олигарху?

– Однофамилец, – успокоил Клару Петровну Олег.

– Я почему спросила: вчера сообщили, что нашего олигарха Флярковского взорвали на его же собственной яхте в Средиземном море.

– Такая у них работа тяжелая, – согласился Иванов, – они часто сгорают на этой работе вместе со своими «Мерседесами» и яхтами.

– Жуть! – согласилась дама. – Вам не страшно?

– У меня яхты нет, – признался Олег.

Пять тысяч долларов у Олега были. Он собирал на маши-

ну. Хотел внести половину стоимости «десятки» при покупке, а на другую половину оформить кредит. Оставалось скопить совсем немного: на страховку и оформление в ГИБДД.

Теперь с мечтой об автомобиле приходилось расстаться лет на пять, но Иванову было не жалко. Хотя, конечно, было бы здорово возить ребенка на дачу на машине: Олежка сидел бы пристегнутый в своем детском креслице, внимательно разглядывал мелькающие за окном удивительные картинки еще не познанного им мира. Размышляя об этом, Иванов вдруг вспомнил, что он теперь вроде как и не беден, если принимать во внимание оставленное ему Леной наследство. Но это все равно принадлежит не ему, а оставшемуся сиротой ребенку. Квартиру и загородный дом продавать никак нельзя и сдавать в аренду, видимо, тоже. Вряд ли Олежка сможет жить на новом для себя месте – тем более в маленькой однокомнатной квартирке, доставшейся Иванову от умершей почти десять лет назад бабушки. Можно, конечно, перебраться в Ленину квартиру, а свою сдавать в аренду. Доход был бы неплохой – не громадный, разумеется, но при определенной экономии «ВАЗ» десятой модели можно было бы приобрести через пару лет и без кредита. У нотариуса Олег побывал, и тот сообщил ему, что в права наследования можно вступить через полгода: такой срок определен законом для того, чтобы другие наследники, если таковые отыщутся, смогли бы оспорить завещание. А пока Иванов собрал справки и характеристики, необходимые для усынов-

ления ребенка, и, собрав, передал Кларе Петровне. Много времени на это не потребовалось: уже через два дня после визита к мелированной даме он сообщил, что бумаги все готовы. Она назначила встречу в кафе на Невском и попросила заранее заказать столик, так как по вечерам туда попасть проблематично – уж очень популярное место.

В популярном месте играла живая музыка. Джазовый квартет исполнял мелодии Гершвина и Эллингтона. Олега подвели к угловому столику, на котором стояли табличка «Зарезервировано» и подсвечник с тремя свечами. Табличку официант унес, а подсвечник оставил. Было ровно восемь вечера, то есть время, на которое Клара Петровна назначила встречу. Олег опустился на мягкий угловой диванчик и стал смотреть на входные двери, предполагая, что мелированная дама вскоре появится. Но минуты шли, а Клара Петровна не спешила. Сидеть просто так за пустым столом было не очень удобно, и Олег решил заказать кружку пива.

– Рекомендую «Дюнбир», – сказал официант, – нефилтрованное. Изготавливается в России, но по немецкой технологии. Очень качественное.

Пиво было мутным и, как показалось Иванову, кислым. Олег раскрыл меню и проверил цену. Кружка этого пива стоила здесь почти в десять раз дороже тех сортов, что он покупал обычно.

В начале десятого появилась Клара Петровна. Она подскочила к стулу и опустилась на диванчик рядом с Ивановым.

– Еле вырвалась, – устало произнесла она. – Вы не представляете, Алик, сколько приходится работать: совещание за совещанием, и все очень ответственные.

На ней было тонкое обтягивающее платье с глубоким вырезом и свежий вечерний макияж, сделанный, судя по четким контурам, в салоне. В руках она держала маленькую шелковую сумочку, усыпанную стразами. Вряд ли в таком виде Клара Петровна появлялась на работе и уж тем более на ответственных совещаниях.

Подлетел услужливый официант.

И Клара Петровна начала диктовать, а официант заносить в блокнотик.

– Мне, пожалуйста, французский салат, мясо по-французски...

Она даже не заглянула в меню.

– Потом сырное ассорти...

– Сыр только итальянский, – сказал официант, – французский «Порт салют» вчера закончился.

– Тогда не надо сыра.

– Паштета из гусиной печени тоже нет, – с грустью в голосе произнес официант.

– Жаль, – опечалилась Клара Петровна, – мне очень нравится фуа-гра.

Она посмотрела на Иванова:

– У меня сегодня с утра маковой росинки во рту не было.

И тут же спросила:

– А что вы предпочитаете из напитков?

– Я вообще не пью, – поспешил Олег успокоить даму, – лишь изредка по большим праздникам, да и то немного.

Официант покосился на пустую пивную кружку, стоящую на краю стола, но промолчал.

– Тогда на мой выбор, – встрепенулась Клара Петровна, – бутылочку бордо, можно трехлетнего. И для моего спутника – сто граммов «Курвуазье».

Официант с достоинством умчался, а Клара Петровна спросила:

– Как наши дела? Документы при вас?

Иванов передал ее конверт, который все время, пока он сидел за столиком, находился у него на коленях.

Клара Петровна проверила документы и кивнула:

– Надеюсь, комиссию это устроит.

Оглянувшись и перейдя на шепот, поинтересовалась:

– А остальное?

Олег полез во внутренний карман, но дама остановила его:

– Потом отдадите. Когда посторонних глаз не будет.

– Простите, а когда будет вынесено решение? – наконец-то задал интересующий его вопрос Иванов.

– В ближайший четверг, – быстро произнесла Клара Петровна, сгибая вчетверо переданные ей документы, чтобы они уместились в ее сумочку. – Там делов-то...

Она осеклась, поняв, что проговорилась, но тут же нашлась что сказать:

– На самом деле не все так просто. К нам, в органы опеки и попечительства, часто обращаются иностранные семьи с просьбой помочь им усыновить какого-нибудь российского сироту, а то и несколько сразу. Как раз сегодня у меня была встреча с одной очень достойной семейной парой из Америки. Он – продюсер, а она тоже чем-то творческим занимается. Очень состоятельная пара! У них уже семеро детей. Вы представляете! И все приемные: есть из Мексики, двое из Намибии, пострадавшей от стихийных бедствий, есть с Филиппин...

– Пострадавших от цунами, – подсказал Иванов.

– Да-да, именно так, – закивала Клара Петровна с самым серьезным видом. – Так они сказали, что деньги для них не проблема. Тут же пытались мне всучить десять тысяч.

– Хорошо, что не все в нашей стране еще продается, – напомнил собеседнице Олег.

– Я с вами согласна. Но честные люди в наше время большая редкость. Согласитесь.

– Потому-то я и обратился к вам, – шепнул Олег.

Разговор с дурой-чиновницей начинал его раздражать, но приходилось приветливо улыбаться. Тут принесли бутылку вина и большой бокал, на дне которого светился янтарем коньяк.

После первого бокала вина лицо Клары Петровны порозовело, после второго – пошло пунцовыми пятнами.

«Запойная алкоголичка, – догадался Иванов, – сдержива-

лась, наверное, месяц, а теперь сорвется». Вдруг показалось, что все его усилия по скорейшему усыновлению Олежки могут оказаться напрасными..

– Хорошее вино? – спросил он.

– Попробуйте, – показала глазами на бутылку чиновница. В ее взгляде промелькнула тревога: а вдруг Олег выпьет все без остатка?

Олег наполнил свой бокал до половины, после чего слегка пригубил. Вино, как и пиво, тоже оказалось кисловатым. Иванову показалось даже, что точно таким же вином его угощала в Абхазии квартирная хозяйка, у которой он снимал комнатку. Только квартирная хозяйка делала его сама.

Клара Петровна ковыряла вилкой салат, похоже, аппетита у нее не было вовсе. Так же она поковыряла и мясо по-французски. Но вино выпила все.

После чего сказала:

– Уже половина одиннадцатого: нам надо спешить – ведь завтра трудный день.

Олег подозвал официанта, тот принес папку, в которой стыдливо спрятался счет. Популярное место оказалось очень и очень дорогим. За все заказанное Klarой Петровной следовало заплатить почти шесть с половиной тысяч. Иванов положил на стол семь тысячных купюр и придавил их подсвечником. Поднялся с диванчика и протянул руку Klаре Петровне.

– Я провожу вас, – произнес он.

– Разумеется, – игриво отозвалась она, – я, кстати, недалеко обитаю.

Она и в самом деле жила неподалеку, но ехали до ее дома на такси. Водитель взял тысячную и не спешил лезть в карман в поисках сдачи. Олег настаивать не стал. Помог Кларе Петровне выбраться из машины и подвел ее к парадной двери.

– У меня сейчас никого дома, – шепнула Клэр, – сын на сборах в Кисловодске. Он занимается спортивной ходьбой. При этом хорошо учится. Ой, как хочется, чтобы у него все в жизни сложилось!

– Не переживайте, – успокоил ее Олег, – с такой мамой ваш сын далеко пойдет.

– Я уж стараюсь как могу, – согласилась чиновница и прижалась к Олегу. – Поднимемся ко мне, кофейку попьем?

– Боюсь, что мне тогда не захочется уходить.

– Так в чем же дело?

– Если останусь, то вам не удастся поспать вовсе.

Олег нес эту ахиною: ему было противно от ситуации и стыдно за себя – такого угодливого и лживого.

– Да-а, – протянула Клара Петровна. – Завтра опять с самого утра надо быть на работе. А опаздывать нельзя. Подчиненные вмиг настучат. Как это мне все надоело! Давайте сделаем так: в четверг вы получаете документы, в пятницу встречаемся в том же ресторанчике, а потом уже ко мне. Ты согласен?

Она полезла целоваться, и Олег, чмокнув ее, произнес с обидой и страстью:

– Что вы со мной делаете? До пятницы я не доживу!

– Тогда в четверг, – обрадовалась Клара Петровна, – а в пятницу на работу можно и вовсе не ходить.

Про деньги он забыл, а Клара Петровна уже мечтала о другом. Олег уже хотел попрощаться, но опомнился и достал конверт, в котором лежали пятьдесят стодолларовых купюр. Клара Петровна пересчитала их на удивление быстро.

Иванов отворил дверь парадного, и чиновница впорхнула внутрь.

– Четверг не за горами-и, – пропела она и исчезла.

Пружина двери проскрипела так же радостно, и дверь хлопнула оглушительно, словно собиралась аплодировать Паваротти.

Олег плюнул себе под ноги, освобождаясь от привкуса кислого вина на губах. Все та же машина такси стояла рядом.

– Куда надо? – крикнул водитель в открытое окно.

– На метро доберусь, – махнул рукой Иванов.

На жетон у него должно было хватить.

Васечкин стоял на крыльце здания городского управления милиции и курил. Спешили на службу знакомые. Подходили, здоровались, протягивали Сергею руки для рукопожатия. Каждый спрашивал:

– Ты чего здесь стоишь? Ждешь кого-то?

В конце концов ему надоело. Васечкин спустился с крыльца. Отошел в сторону и увидел, как, не доехав пятидесяти метров до входа в здание, остановился сверкающий полировкой новенький «Мерседес». Из машины вышел Берманов, причем поднялся он с пассажирского места, и поспешил к крыльцу. У Берманова был служебный автомобиль «Волга», но, вероятно, машина была в ремонте или водитель заболел, а потому пришлось Бергамоту добираться на своем. Если, конечно, «Мерседес» принадлежал ему. Эдуард Юрьевич, вероятно, заметил Васечкина, так как старательно смотрел прямо перед собой, однако, проходя мимо Сергея, он немного сбросил шаг и бросил на ходу:

– Приказ подписан. Так что, товарищ бывший майор, можете оформлять увольнение.

То, что приказ подписан, Васечкин знал и без него, не знал только, что у Бергамота есть машина, которая стоит кучу денег. Идти в кадры не хотелось, Сергей достал еще одну сигарету. Щелкнул зажигалкой, а тут как раз подъехал тот

самый покинутый Эдиком «Мерседес» и остановился рядом. За рулем сидела Анжелика. «Мерседес» поморгал фарами, но Сергей намека не понял, отвернулся даже, чтобы его не беспокоили. Потом он услышал, как открылась дверь машины, как простучали тонкие каблучки по асфальту.

– Ты что, со мной вообще общаться не хочешь? – прозвучал за спиной голос Анжелики.

Пришлось оборачиваться.

Анжелика стояла перед ним в коротеньком джинсовом костюмчике. Под курточкой был коротенький полосатый топик, из-под которого торчал проколотый пупок с навинченной на него золотой рыбкой. Или лягушкой.

– Привет, – сказал Васечкин.

– Эдик сказал, что тебя уволили, – вздохнула Анжелика. – Мне очень жаль.

– Да ладно, не бери в голову, – ответил Сергей и затянулся сигаретой. – Не переживай: во-первых, я сам увольняюсь, а во-вторых, эмоции надо беречь, кого-то действительно могут уволить.

– Ты очень злой стал. Эдик сказал, что тебя уволили за жестокость.

Васечкин промолчал. Не рассказывать же Анжелике, почему ее муж сделал такую блестящую карьеру. Она, судя по всему, и так знает, что за хорошие показатели в работе – у следователя Берманова была самая высокая раскрываемость преступлений. А знает ли Анжелика, как достигалась та са-

мая высокая раскрываемость? Поначалу Бергамот даже делился с коллегами опытом: у него на допросах раскалывались даже самые стойкие рецидивисты. У Эдика был свой метод, скорее прием, который он сам и придумал, назвав этот метод допроса «противогаз». На голову подследственного или подозреваемого Бергамот надевал полиэтиленовый пакет и ждал, когда играющий в неосознанку преступник начинал задыхаться от удушья и терять сознание. Пакет снимался, вопрос повторялся и в случае неправильного ответа надевался снова, и так определенное количество раз, пока протокол допроса с нужными показаниями не подписывался.

– Надо же, – удивилась Анжелика, не дождавшись ответа от Васечкина, – а я чуть было не вышла за тебя замуж.

– Радуйся пока, – огрызнулся Сергей.

– А ты не женился?

– Собираюсь, – соврал Васечкин.

– И кто она?

– Девушка. Добрая, умная, красивая, – сказал Сергей, – хорошая: теперь таких нечасто делают.

Но бывшая возлюбленная пропустила это мимо ушей.

– А у меня скоро день рождения, – напомнила Анжелика и уточнила для особо забывчивых. – Седьмого сентября.

– Заранее поздравляю. Вижу, Эдик тебе уже сделал подарок.

И рукой с сигаретой показал на сверкающий автомобиль.

– Да я этот «мерс» сама себе купила, – гордо, но не очень убедительно произнесла Анжелика, – у меня же свой собственный бизнес. Ресторан. «Колыма» называется. Ты наверняка слышал о нем. Заходи как-нибудь – для ментов пятнадцатипроцентная скидка.

– Я уже не мент, – напомнил Васечкин.

Говорить больше было не о чем. Анжелика направилась к машине, а Сергей снова отвернулся, чтобы не смотреть, как она повиливает узкими бедрами. Он, конечно же, помнил про день рождения, знал, что Анжелике исполнится тридцать один год, хотя выглядит она гораздо моложе. Впрочем, ему до нее дела нет: теперь Анжелика не волновала Васечкина. Удивительно только, как дочь библиотекаряши и спившегося вологодского сантехника, начавшая свой трудовой путь секретаршей паспортного отдела затрапезного отдела милиции, смогла купить себе ресторан и теперь вот – дорогой автомобиль.

Сергей сидел в приемной начальника кадрового управления, а из непритворенной плотной двери доносились обрывки телефонного разговора.

– На какую еще учебу? Какое повышение кадров? Где я тебе людей найду? У меня... это самое... по всем отделам – недокомплект личного состава. И так штат не заполнен, а сотрудники увольняются в массовом порядке. Я их понимаю: за такие оклады, как у нас, никто работать не захочет, это самое... А в любой охранной структуре хорошему оперу сразу

вдвое или втрое больше предложат. И никто его дергать не будет за показатели или еще за что...

«Все, – решил Сергей, – пойду в охранную фирму. Работа знакомая, платить за нее будут хорошо. Куплю новую тачку. Женюсь на Кристине...»

На душе стало немного спокойнее. Тем более он знал, к кому обратиться.

Когда-то давно, когда он отправлялся в долгосрочную командировку в Чечню, замещать его прибыл старший лейтенант Сошников. Позже Сошников стал капитаном и убыл на повышение в городское управление, но потом, как и многие, ушел, недовольный зарплатой или чем-то еще. Он открыл детективное агентство «Перехват», теперь известное в городе и процветающее. С Сошниковым у Васечкина отношения были более чем приятельскими. Именно Васечкин рекомендовал когда-то его в городское управление. С тех пор они встречались, правда, крайне редко, да и то случайно...

– Васечкин, заходите, – сказала секретарша.

Сергей зашел в кабинет. Подошел к столу начальника и остановился.

– Ваши документы готовы, – сказал начальник, – можете получить их и быть свободным.

– Спасибо, – усмехнулся Сергей.

Его усмешка не ускользнула от начальства.

– Постойте. Задержитесь на пару минут.

Можно было не сомневаться в том, что за этим последует.

– Послушайте, Васечкин, – строго спросило начальство, – объясните мне это самое... как вы докатились до жизни такой?

– До какой? – притворно удивился Сергей. – Взятки вроде не брал, секретарш не имею, задержанных преступников не отпускал, в быту морально устойчив, насколько это возможно сотруднику правоохранительных органов...

– Хватит паясничать! Пьянство, рукоприкладство, ненормативная лексика... это самое... курение на рабочем месте и распитие алкогольных напитков в своем кабинете. Вы вовлекали в коллективное пьянство своих подчиненных. Нам все известно! Даже больше! Это самое... Этого мало? Да мы за куда более меньшие прегрешения с треском выгоняем! Вам повезло еще, что не начато было служебное расследование. А то бы! Только принимая во внимание ваши бывшие заслуги, награды и прочее, руководство пошло навстречу, позволив вам уволиться без... этого самого... Сами знаете чего...

– Спасибо, – только и сказал Сергей.

После чего вышел из кабинета.

Служебное удостоверение Сергей вернул, но и без него прошел бы в здание управления, где на проходной его давно уже знали в лицо и никогда не интересовались документами. Только устраивать отвальную в бывшем своем кабинете не хотелось, и потому Васечкин назначил сбор своим бывшим коллегам в маленьком кафе на Моховой. Те, кто смог-

ли, пришли. На шестерых взяли шесть бутылок водки и по паре кружек пива. На закуску из-за отсутствия средств – пару овощных салатов и тарелку с пережаренными охотничьими колбасками. В подвальном помещении было тесно и накурено. Сергей уже пожалел было, что выбрал это место, когда из двери, ведущей в подсобные помещения, вышел человек и направился к столу, за которым сидели опера.

Человек остановился возле Сергея и спросил:

– Вы капитан Васечкин?

– Майор. Теперь уже бывший, – ответил Сергей.

– Вы, наверное, меня не помните. У меня с приятелем на двоих было кафе на Петроградке. Как-то на нас наехали, а вы с другом тогда в зале случайно оказались...

– Помню, конечно. На Кронверском кафе располагалось. Мы тогда немножко посуды разбили.

– Бог с ней, с посудой. Просто я так вам благодарен, что...

– Забудьте.

– Не смогу при всем желании. Если бы люди забывали все доброе, что для них сделали другие, то в кого бы мы превратились? А сейчас позвольте мне пригласить вас в банкетный зальчик – там вам удобнее будет общаться. Через пять минут там для вас накроют стол.

Хозяин кафе хотел отойти, но задержался.

– А Константин Сергеевич иногда заезжает ко мне по старой памяти.

Константин Сергеевич, тот самый бывший капитан Сош-

ников, ставший теперь учредителем детективного агентства «Перехват». А поскольку случайных совпадений не бывает, Васечкин решил: сегодняшняя встреча – лишнее подтверждение тому, что мысль о дальнейшем трудоустройстве, промелькнувшая ненароком в его мозгу утром, была не такой уж нелепой.

Вскоре все уже сидели в небольшом банкетном зале, за столом, плотно заставленным тарелками с закусками. Сотрудники обсуждали недавнее заказное убийство, произошедшее на яхте российского олигарха.

– Говорят, что Берманов хочет начать расследование, – сообщил кто-то.

– Но ведь это убийство в испанских водах произошло, – возразили ему, – а значит, под нашу юрисдикцию не попадает.

– Однако яхта российская и приписана к нашему порту, а значит, яхта – часть российской территории, на которой действуют наши законы. И к тому же жертва – российский гражданин.

– Там и другая жертва была – жена этого самого Флярковского. Так она, между прочим, гражданка Украины...

– Мужики, – прервал разговор бывших подчиненных Васечкин, – а ну их, этих олигархов с Бергамотами в придачу. У нас и без них забот полон рот. Если Эдику Берманову хочется в служебную командировку в Испанию смотаться, то пусть. Нам-то что!

Больше на эту тему не говорили. Да и не сидели особенно долго. С наступлением сумерек Сергей вернулся домой, где его ждала Кристина.

– Завтра начну устраиваться на новую работу, – сообщил он.

В четверг Олег, как и договаривался с Кларой Петровной, пришел за результатом своего обращения в органы опеки и попечительства.

Клара Петровна сидела за столом в строгом черном костюме. В ее кабинете находилась еще одна дама в деловом сером платье с глухим, как на мужских рубашках, воротничком с галстуком. Когда Иванов вошел в кабинет, дама поправляла этот самый галстук. Как видно, ей было не очень комфортно.

Но перед тем, как войти, уже через открытую дверь Олег услышал, как незнакомая дама, захлебываясь, говорила Кларе Петровне:

– ...он такой хорошенький. Ты даже, Клара, представить себе не можешь, какой красавчик!..

Речь, по-видимому, шла о каком-то ребенке, и потому Иванов не задержался на пороге.

А дама в платье не смогла остановиться.

– У него та-акие мышцы! Особенно на животе...

Клара Петровна подняла голову и, словно не узнав Олега, спросила вошедшего строго:

– Вы записывались на прием? Как ваша фамилия?

Дама в платье тоже оглянулась и, поправляя галстук, принялась рассматривать Олега с ног до головы.

– Моя фамилия – Иванов, – назвал себя Олег, – я по по-

воду заявления.

– Иванов, Иванов... – начала вспоминать Клара Петровна. Она посмотрела на потолок и сообразила:

– А, это по поводу усыновления собственного ребенка мужского пола?

Олег кивнул.

– Ваш вопрос решен положительно. Однако я должна подробно изложить вам не только ваши права, но и обязанности, возникающие при...

– Ну, я пошла, – сказала дама в платье, поднимаясь.

Она продефилировала мимо Иванова, но все же успела взглянуть ему в лицо.

Как только дверь закрылась, Клара Петровна улыбнулась приветливо:

– Что ты так поздно? Я уже все себе отсидела, тебя дождаюсь.

Из ящика стола она достала папку с документами и положила перед Ивановым.

– Ты не представляешь, какая битва была за твоего сына. Те американские продюсеры уже всех членов комиссии обошли. Даже мне предложили пятнадцать тысяч.

– Раньше они предлагали десять, – напомнил Олег.

– А теперь уже пятнадцать. Другая бы еще больше с них сняла. Но раз я тебе пообещала, то пришлось отказать им.

Иванов прекрасно понимал, что никакой чадолубивой американской четы нет в природе, но все равно, беря со сто-

ла документы, поблагодарил Клару Петровну.

– Я ничего с этого не получила лично, – вздохнула та в ответ. – То, что ты передал, пришлось распределить между членами комиссии, которые еще и недовольными остались. Посчитали, видно, что я столько огребла на этом деле! А мне из своего кармана им добавлять, что ли?

Олег достал из внутреннего кармана пиджака бумажник и вынул из него все, что находилось внутри. Потом достал из кармана несколько смятых купюр. Положил все деньги на стол и сказал:

– Вот все, что есть. Здесь почти восемьсот рублей.

Клара Петровна даже не взглянула на деньги, но и не отказалась.

– Подожди меня внизу, я сейчас спущусь, а потом мы поедем куда-нибудь. Только мне домой заскочить надо – переодеться.

– Это уж, Клэр, без меня, – вздохнул Олег, – у меня теперь есть сын, и мне надо заботиться о нем. К тому же тратить по восемь тысяч за вечер мне не по карману. Прости и спасибо еще раз.

Клара Петровна посмотрела на него с удивлением:

– Пожалуйста, езжай куда хочешь. Но если считаешь, что на этом все закончилось, то ты глубоко ошибаешься. Комиссия дала свое согласие, но решение может быть пересмотрено. Есть испытательный срок, есть целый перечень условий...

– Я понял, – кивнул Иванов, – желаю приятно провести вечер.

Дама в галстучном платье стояла в коридоре и шептала другой такой же чиновнице в самое ухо:

– Сейчас он стриптизером работает, а вообще закончил академию внешней разведки. У него такие мышцы на жи-
во...

Дама заметила проходящего мимо Иванова и окликнула его:

– Все вопросы решили?

Олег кивнул.

– А теперь куда направляетесь?

Это походило на допрос с пристрастием.

– Куда направляетесь? – повторила дама в платье с гал-
стуком.

– Пресс качать, – ответил Олег.

Он заехал домой, набил чемодан, с которым ездил в Абха-
зию, своими вещами и отправился на Московский проспект.
Войдя в квартиру Лены, сразу же набрал номер телефона Ве-
рочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.